

ЕВРЕИ ЭСТОНИИ.

ХОЛОКОСТ.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Евреи Эстонии.
Холокост.
История и современность.
(Сборник материалов и документов)

Составитель сборника: Игорь Талис
Оформление: Игорь Талис, Ольга Талис

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОГИБЛИ ЕВРЕИ ЭСТОНИИ В 1941 ГОДУ

Из книги Е. Гурин-Лоов — о судьбах евреев Эстонии

Документы периода

Фото

КАК ПОГИБЛИ ЕВРЕИ-ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ В ЭСТОНИИ В 1942-1944 ГОДАХ

— ЯГАЛА. КАЛЕВИ-ЛИЙВА

Из воспоминаний Г. Машовой

Документы.

Фото

— КЛООГА

Из книги Б. Анолика

Из воспоминаний Н. Анолика

— СЕВЕРО-ВОСТОК ЭСТОНИИ

Документы

Фото

ЭСТОНЦЫ-ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Рапорта международной Комиссии

Фото

СЛОВАРЬ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

*Те овраги, траншеи и рвы,
Где чужие лежат, не родня —
Вот единственно прочные швы,
Что с еврейством связали меня.*

И. Губерман

1-ый этап:
как погибли еврей-
граждане Эстонии
(1941 г.)

Из книги Евгении Гурин-Лоов «Shoah. Suur häving. Holocaust»

Катастрофа эстонских евреев

К сентябрю 1941 года Германия захватила материковую часть Эстонии. Здесь начали действовать нацистские предписания и законы. Для евреев, оставшихся в Эстонии, жизнь обернулась очень трагично.

По Нюрнбергским нацистским законам все политические и гражданские права принадлежали только арийцам. Этими же законами было чётко установлено и то, кто является евреем: евреями считали тех, у кого в жилах текла на три четверти или наполовину еврейская кровь, все, кто по вере был иудей, был женат на еврейке или замужем за евреем. Детей, родившихся в смешанном браке, не считали евреями, но так же не считали и арийцами, их ущемляли в правах. Евреям запрещали вступать в брак с неевреями, держать прислугу моложе 45 лет, вывешивать на домах или учреждениях немецкие флаги. Еврейских детей выгоняли из немецких школ.

В Эстонии, как и в самой Германии, и в других оккупированных странах была реализована направленная против евреев идеология в области культуры и образования. Книги еврейских писателей и учёных изымали из библиотек и сжигали, произведения еврейских композиторов и драматургов не разрешали исполнять на сценах театров и концертных залов. В Эстонском государственном архиве сохранилось письмо, которое запрещало взятые в репертуар Эстонского театра 1944/1945 годов оперетты Оскара Штрауса, так как было запрещено ставить произведения еврейских авторов. 9 сентября 1941 года было издано обращение министра образования Хяльмара Мязэ с приказом об изъятии из школьных библиотек нежелательной литературы. В этом документе под пятым пунктом было написано, что изъять следует «...еврейскую литературу на любом языке...». Здесь хочется поблагодарить работников Вильяндиской библиотеки, которые спрятали у себя на складе библиотеку Вильяндиского еврейского общества. Сейчас эти книги находятся в библиотеке Еврейской общины.

После захвата Польши и начала Второй мировой войны в 1939 году законы для евреев стали ещё жёстче. В 1942 году на так называемой Ванзейской конференции было принято решение приступить к окончательному решению еврейского вопроса — это означало начало полного уничтожения еврейского народа. В ходе геноцида в Европе до 1945 года была убита треть еврейского народа — 6 миллионов мужчин, женщин, детей и в их числе больные, грудные дети и старики.

Нацистские репрессии коснулись не только евреев. У всех народов в оккупированных нацистами странах имеются свои жертвы. У эстонцев тоже. Но когда немецкие политики поставили вопрос об окончательном решении, то полное уничтожение относилось только к еврейскому народу. Евреев уничтожали не по политическим причинам, а прежде всего потому, что они были евреями. Это подтверждают и сохранившиеся в Эстонском государственном архиве следственные досье по делам евреев, в которых ясно видны причины ареста: обвинение — еврей.

Еврейский вопрос решали специальные карательные органы. После захвата Эстонии нацистский Рейх создал Эстонскую политическую полицию. Руководила карательными действиями Зондеркоманда 1А. Позже (в 1942 году) сформировали ещё два сектора: сектор А (немецкий сектор) и сектор В (эстонский сектор). Оба сектора составляли Полицию безопасности и SD. В секторе В было 7 отделений, из них самый важный — 4-й отдел, или Гестапо. Этот отдел и занимался организацией арестов, допросов и расстрелов евреев. Конечно, деятельность этого отдела была гораздо шире и не ограничивалась только евреями.

К «решению» еврейского вопроса немцы приступили сразу же после захвата Эстонии.

11 сентября 1941 года появилось распоряжение немецкой полиции безопасности для всех префектов полиции, где очень обстоятельно были перечислены все запреты, связанные

с евреями. Этот документ полностью отвечал Нюрнбергским законам. Евреям запрещали менять место жительства, ходить по тротуарам, использовать средства передвижения, посещать театры, кино и музеи, ходить в школу. Было запрещено работать по профессии адвокатам, врачам, нотариусам, в банках и заниматься недвижимостью. В приказе был абзац, касающийся имущества евреев. Коротко и ясно: еврейское имущество конфисковать... Префекты полиции обязаны были составлять поимённые списки евреев. Подчёркивалось, что все распоряжения надо срочно выполнить до 20 сентября 1941 года.

Разумеется, префекты полиции оккупированной Эстонии приступили к выполнению этих приказов. Интерес представляет то, что в вышеназванном документе было предусмотрено создание концлагеря в Тартуском уезде. Позже был замысел основать гетто в Харку. В Харку был создан маленький концлагерь.

11 сентября в газете «Постимеэс» появилась маленькая статья «Еврейская звезда на спине». В рубрике «Сводка уведомлений» было опубликовано постановление находившегося в Риге генерал-комиссара о том, что дома, квартиры коммунистов и евреев должны быть закрыты представителями домоуправлений или соседями-неевреями, а ключи должны быть сданы в комендатуру.

В действительности, как показывают архивные материалы, всё шло немного по-другому, чем предполагалось в приказах. Евреев арестовывали и казнили сразу же после того, как Эстонию оккупировал Вермахт. Это подтверждают сохранившиеся в Государственном архиве сообщения о смерти и списки расстрелянных людей. Евреев расстреливали уже в июне и августе 1941 года, а это значит – ещё до появления соответствующего приказа.

На основе сохранившихся в Эстонском государственном архиве исследований евреев (исследований примерно 450) можно восстановить тогдашний ход событий. После ареста еврея (либо дома, либо на улице) арестованного везли в политическую полицию или в полицейский участок. Там проводили расследование и тогда отправляли евреев в тюрьму. Оттуда они скоро исчезали: их либо расстреливали, либо отправляли в лагерь Харку. Эстонка описывает арест своего мужа-еврея следующим образом: *«Так как мой муж не выходил на улицу, я каждый день ходила в город смотреть, что происходит. Очень пугалась, когда видела на углу площади Вабадузе и улицы Харью наклеенное на стену объявление, в котором был призыв указать, где находятся квартиры евреев. 13 сентября в тот роковой день я опять вышла. Помню, погода была чудесная, но на сердце было очень тяжело.*

Придя домой, ещё за дверью, услышала голоса из квартиры и сразу заподозрила дурное. В квартире уже находились двое сотрудников Кайтселиита, которые забирали моего мужа. Они сказали, что ведут его в полицейский участок. Я тоже побежала туда, подошла к начальнику и попросила разрешения встретиться с супругом. Начальник сказал, что он не может этого разрешить, но тихо добавил, чтобы я пришла следующим утром, когда заключённых повезут в тюрьму, и я смогу ещё раз в коридоре увидеть своего супруга. Так я и сделала и увидела мужа в последний раз. 15 сентября я пошла в немецкую полицию безопасности на Тынисмяги, чтобы узнать о его судьбе Там сказали мне, что он расстрелян. Спросила: “За что? Он же не был коммунистом, а был бизнесменом”. Мне ответили: “Aber er war doch ein Jude” (“но он ведь был еврей”)). Госпожа Е. С. была согласна эвакуироваться вместе с мужем, начала даже укладывать вещи, но муж не хотел бежать. Он сказал, что переживёт это время в гетто.

В Тарту держали евреев во временном лагере на улице Парги (который, в свою очередь, подчинялся концлагерю, находившемуся в казармах Куперьянова на улице Кастани) и на площади Няйтузе, где был лагерь заключённых (здесь находились евреи в бараке для смертников). Позже в Тарту расстреляли евреев на линии Ялака в противотанковой канаве. В Пярну евреев держали в «амбаре Бетти». Небольшая часть евреев (в основном женщины) была интернирована в лагерь Харку, где они работали на торфяном болоте. В Государственном архиве нет материалов насчёт лагеря Харку, известно только то, что часть

еврейских женщин из лагеря Харку отвезли в Псков и там расстреляли. Почему надо было увозить людей в другие места для того, чтобы их там просто убить? Ответ на этот вопрос очень трудно найти. Можно лишь убедиться, что в абсурдных античеловеческих поступках отсутствует логика.

Из материалов Нюрнбергского процесса известно, что у немцев было принято после входа Вермахта в оккупированные государства организовывать еврейские погромы. Вальтер Штахлеккер, генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС, утверждал на этом процессе, что в Эстонии не удалось организовать еврейские погромы (см. «Коричневая чума», Таллинн, 1988, стр. 116). Следует отметить, что в Эстонии никогда не было еврейских погромов. Эстонская полиция безопасности и командир SD Мартин Зандбергер вынуждены были отметить в своём годовом отчёте, что среди эстонского народа расистские настроения «очень слабо развиты» (ERA.F.R-819.N.1.S.12.L.41). Несмотря на это, нацистам удалось убить почти всех эстонских евреев (за исключением 3-5 человек) в течение четырёх месяцев (с конца августа до декабря) 1941 года. Исключений не делали никому.

В этом же отчёте Зандбергер пишет: *«Когда началась война, большинство евреев эвакуировалось со своим имуществом в Россию. Поэтому после освобождения Эстонии здесь остался 921 еврей (468 мужчин и 453 женщины), все они были подвергнуты особой обработке. Сегодня Эстония „judenfrei“ (свободна от евреев)»*. Принято считать, что М. Зандбергер был первым человеком, провозгласившим Эстонию свободной от евреев. Об этом также в своё время упоминается на конференции в Ванзее, а позже Эстония обозначается на карте как «judenfrei». Эстония стала «judenfrei» так быстро, так как оставалось небольшое количество евреев, и их истребление было быстрым. Согласно отчётам Зандбергера, был уничтожен 921 еврей, мной и моими помощниками был составлен список из 929 лиц. Отчёт Зандбергера не содержит имён евреев, казнённых в Вильянди и в Валга, но всё же известно, что, например, в Вильянди было истреблено 18 евреев.

Представляет интерес отчёт управляющего отделом политической полиции Таллиннско-Харьюской префектуры Эрвина Адольфа Вика от 31 декабря 1941 года. Из этого документа узнаём, что с момента освобождения эстонской земли немецкими войсками было арестовано 645 евреев. Принято решение о казни 640 человек и казнено 610 евреев. Что стало с этими пятью евреями, судьба которых не была решена, и с теми 35, которых не казнили, мы, к сожалению, теперь уже никогда не сможем узнать. В книге также представлены декадные отчёты Таллиннско-Харьюской префектуры и отчёт Вильяндиской политической полиции.

Где вообще убивали эстонских евреев? Куда установить памятные доски? Евреев расстреливали в тюремных подвалах и на улицах, в лесах, на Харкусском болоте, в Тартуском противотанковом рве, в Пярнуской синагоге, в близлежащем лесу Пярну и всюду, где придётся.

Несмотря ни на что, память о невинных жертвах всё-таки пытались сохранить после войны. Так, во дворе замка Курессааре есть памятная доска с именами погибших, среди которых есть и евреи. В Курессааре евреев расстреливали в так называемом лесу Лооде. Памятные доски стоят также на еврейских кладбищах в Таллинне, Тарту, Пярну, Вильянди. На Таллиннском еврейском кладбище после долгих препирательств с советской властью удалось установить маленький и очень скромный памятник всем евреям, погибшим в Эстонии.

Каждый год в сентябре-октябре в воскресенье, которое приходится между еврейским новым годом и Судным днём (Йом Кипур), около этого памятника проводится митинг (траурная церемония). На еврейских кладбищах, на семейных надгробных камнях отмечены имена погибших родственников и даты их гибели: 1941 или 1942 — так семьи сохраняют память о погибших.

Расстреливавшие входили в состав немецкой особой команды (Sonderkommando) и отрядов эстонской самообороны Омакайтсе. У полиции и людей Омакайтсе был общий командир — полковник Йоханнес Соодла. В письме от 17 октября 1941 года ко всем

командирам батальонов и военных частей читаем, что при аресте и взятии под стражу Омакайтсе оказывает полицейским органам всевозможную помощь, если это необходимо (ERA.F.R-62.N.1.S.1.L.22). В отчёте об организации Eesti Omakaitse с июля 1941 по 1 января 1943 сказано, что членов Омакайтсе часто использовали в качестве конвоя при транспортировке военных или политических заключённых. У нацистского режима отношение к евреям было особое. В некоторых местах вёлся точный и аккуратный учёт расстреливаемых.

В Эстонском государственном архиве найден список расстрелянных до 6 октября 1941 года еврейских мужчин. Существует секретный список от 16 января 1942 года о казнённых личностях на территории Пярнуской префектуры политической полиции (ERA.F.R-64.N.1.S.94.L.15,30). На основе этого документа составлен список евреев, казнённых в Пярну.

Поскольку о судьбе пярнуских евреев сохранилось относительно больше материала, остановлюсь на истории их гибели в дальнейшем подробнее.

В Государственном архиве ещё сохранились письма ВIV отдела Полиции безопасности Эстонии в ЗАГС. Они напечатаны на бланках со знаком Т (секретный), и в них содержатся просьбы зарегистрировать смертельные случаи.

Отдельной проблемой был вопрос имущества евреев. Это был источник обогащения нацистов и Рейха. В оккупированной Эстонии по поводу еврейского имущества, конечно, действовали те же законы и предписания, что и в Германии. Конфискация и использование имущества евреев было точно обозначено немецкими законами. Указания о взятии на учёт имущества были даны всем комиссарам полиции уже в сентябре 1941 года.

Часть еврейского имущества национализировали коммунисты в 1940-1941 годах. Эвакуируясь, евреи бросали своё ещё остававшееся, в основном, домашнее имущество. Многие перед эвакуацией оформляли дарственные на имя своих эстонских знакомых, слуг, работников и др. Очень многие из этих людей хранили вверенное им имущество (домашние вещи, украшения) с большой заботой и после войны возвращали всё обратно владельцам. Большую часть имущества всё же отдали в руки властям, что совершенно понятно, учитывая очень строгие законы военного времени. Многие позже утверждали, что имущество погибло. В квартире моей матери жили высшие чины Вермахта, которые, по словам служанки N., велели солдатам упаковывать вещи из квартиры в ящики и уносить.

В то же время не было никаких сомнений, что имущество эстонских евреев попросту было разворовано, что по тогдашним законам наказывалось. Те, кто первыми проводили обыски, конечно, взяли часть вещей себе (точно так же происходило при коммунистах с имуществом арестованных людей) и т. д.

Имущество евреев немецкие власти искали ещё в 1944 году. Это утверждают некоторые документы Государственного архива (ERA.F.R-65.N.1.S.2176; S.1918 на немецком языке). Немецкие власти в Эстонии понимали, что с еврейским имуществом осуществляются махинации. Все заключённые после 22 июня 1941 года соглашения и договора, по которым евреи отдали своё имущество неевреям, немцы объявили недействительными. В Таллинне собрали оставленное еврейское домашнее имущество (например, мебель) в синагоге, превратив её в склады (как это похоже на «деятельность» коммунистов). Из документов ясно, что большая часть еврейского имущества оказалась в руках Вермахта, а деньги и монеты передали в берлинский ломбард. В то же время комиссар города Таллинна жаловался, что золото и монеты поступают к городским властям с трудом. Вообще, сдача еврейского имущества немцам шла очень медленно.

В письме № 35/43 (S.2176.L.47) от 13 мая 1942 года сказано: *«Надо признать, что конфискация еврейского имущества эстонской гражданской властью не успешна, потому что этим начали заниматься слишком поздно. За исключением некоторых пропавших предметов, всё имущество используется Вермахтом и гражданскими властями. В ближайшее время нет надежды вернуть эти вещи из гражданских департаментов».*

Существуют также письма, в которых гражданские лица просят разрешить им использовать мебель евреев.

Хочу рассказать о судьбе еврейских детей на оккупированной немцами территории Эстонии. Нашла в архиве материалы, они лежат у меня на сердце тяжёлым грузом. Насилие. Применённое к детям, особенно жестоко и бесчеловечно. Естественно, обо всех убитых детях архивные данные отсутствуют. Насколько я знаю, в период 1941-1942 были убиты 101 ребёнок и подросток младше 18 лет. Тринадцать из них были младше пяти лет. Эти цифры не включают новорождённых, которые, возможно, появились на свет только в тюрьме.

Самым младшим казнённым, очевидно, был находившийся в Пярнуской тюрьме Таубе Кушнер. Ему было всего несколько месяцев. По сведениям родственников и знакомых известно, что среди заключённых находились ещё по меньшей мере две еврейские женщины, ожидавшие ребёнка. Это были Марьяша Шейн, которая, очевидно, родила ребёнка в Харкусском тюремном лагере, и Лилиан Сик, которая была на восьмом месяце беременности, когда находилась в Тартуском тюремном лагере. Говорят, она родила и погибла вместе со своим ребёнком (?!).

Опираясь на архивные материалы, можно рассказать о судьбах детей из трёх семей. Начнём с семьи Юри Плинера. Его дети Мирьям, Давид и Сима остались в Таллинне и жили с отцом в Нымме (улица Нурме 39-7) у Елизаветы Лиценко (Летинковой). Юри Плинера арестовали и казнили раньше. В Госархиве сохранилась переписка, которая велась для того, чтобы выяснить, еврейские ли это дети. В конце концов полицейский агент сообщает, что оба родителя этих детей — евреи. 29 декабря командир политической полиции префектуры Таллинн-Харью докладывает об этом гауптшарфюреру СС Берсаму. 21 марта 1942 года командир SD и полиции безопасности СС штурмбанфюрер Сейлер отдаёт приказ политическому отделу (Е. Викс) казнить Давида, Симу и Мирьям.

28 марта Е. Викс доложил, что приказ был приведён в исполнение в тот же день. На имущество детей был составлен акт. Где и каким образом были казнены трое невинных детей Давид, Мирьям и Сима, и что они пережили перед смертью — об этом архивные документы умалчивают.

Далее остановимся на судьбе Лео Клетски. Его отец Савел Клетски было мотогонщиком, его приговорили к высшей мере наказания 24 ноября 1941 года. Мама Лео Белла Клетски была родом из Финляндии — видимо, поэтому её арестовали только 8 апреля 1942 года. Лео сначала оставался на свободе. Но уже 9 апреля из письма Е. Вика следует, что и Белла, и её сын Лео помещены в центральную тюрьму. На полях письма есть пометка Ех — «казнены».

Бейле Ратут была двенадцатилетней девочкой с умственными отклонениями, она жила в детском доме для умственно отсталых детей «Найн» в Пярну-Яагупи.

В то время заведующей детского дома была Вирве Парктал. В ноябре 1941 года Вирве Парктал отправила в социальный отдел запрос о судьбе Бейле. Это письмо было передано в управление полиции и Омакайтсе с пометкой на полях: *«Ясно, что еврейка не может остаться»*. Вскоре прибыло в «Найн» письмо от инспектора политической полиции, в котором было распоряжение отправить еврейскую девочку в центральную тюрьму Таллинна. Это предписание заведующая В. Парктал и исполнила. В приказе об аресте отмечено, что *«арестованная не умеет писать своё полное имя»* и в протоколе допроса: *«Пометка. Еврейка Бейле Ратут умственно отсталая, вследствие чего она не в состоянии давать о себе длинные объяснения»*. Отец Бейле погиб в том же 1941 году.

В Пярну в списке погибших евреев под номером 11 стоит имя Таубе Кушнера. О нём в двух графах (профессия и последняя деятельность) отмечено просто и понятно: «младенец».

Но дети были не единственными беспомощными людьми, которые попали под колёса нацистской машины. Фашисты казнили слабоумных, больных и стариков. Например, слабоумному и неграмотному Исаку Руссинову протокол допроса подписывал его отец.

Говорят, Исак скрывался, но его арестовали 16 сентября 1941 года и поместили в Таллиннскую центральную тюрьму.

Саломон Эпштейн работал в артели «Оригинал» и, как свидетельствовал Арнольд Михельсон, был против коммунистического правительства. Кроме того, рабочие артели предоставили главе политической полиции документ, названный «Заявление и просьба», в котором просили облегчить положение С. Эпштейна и принять в качестве их представителей Майре Оясте и М. Риика. Под заявлением было 14 подписей.

Кстати, к немецким властям обратилась и супруга Эпштейна, немка по национальности, чьи братья служили в то время в Вермахте. Хелена Эпштейн просила за своего мужа, с которым она прожила вместе более 20 лет и который много хорошего сделал для её семьи. Хватило же у неё храбрости признаться, что она, немка, замужем за евреем, и просить пощадить его (дочь Саломона говорила мне, что в то время её отец был уже разведён с Хеленой в то время).

1 сентября 1941 года Юлиус Рентер свидетельствовал по делу еврейского врача Шолома Лури, что он никогда не слышал, чтобы тот участвовал в политике. *«Я знаю его как хорошего врача»*, — этими словами закончил свидетель свои показания.

В деле Ребеки Саломе есть донос и свидетельства в её защиту. Дело было начато 11 октября 1941 года, когда пришло анонимное письмо, адресованное на имя руководителя 6 отдела Омакайтсе. Некто, чья подпись неразборчива, добавил к письму пометку «срочное». Стали разбираться, еврейка ли Ребека или нет. Роберт Силлапакк считал, что если серьёзно и вблизи рассмотреть Ребеку Саломе, то в этом не будет никаких сомнений. То же самое подтвердил и Александер Мугур. Ребека Саломе была замужем за поляком Виктором Казимиержем, они оба принадлежали к евангелистской лютеранской церкви. Однако Альфреда Сьямяги утверждала на допросах, что члены семьи Саломе не разделяли коммунистических взглядов. Госпожа А. Сьямяги отрицала участие Ребеки в поджогах, разбоях и интернировании эстонцев, опровергая информацию доносчика. На допросах Ребека признала, что она еврейка, так как её родители — евреи. Её арестовали 24 сентября 1942 года и посадили в Таллиннскую рабочую исправительную колонию № 1. Из резолюции Е. Вика видно, что её казнили 24 октября 1942 года.

Инженер Калман Клячко был арестован уже 5 сентября 1941 года. Из протокола следствия читаем: *«Обвинение: еврей по национальности. Проведено следствие. Выяснено, что Калман Клячко еврей по национальности. Причастность его к коммунистической деятельности не установлена»*. В тот же день в пользу К. Клячко свидетельствовала Марие Роосаар, которая утверждала, что знает подсудимого как ярого противника коммунистической власти. Как выясняется из письма командира полиции безопасности и SD Е. Викасу (ERA.F.R-64.N.4.S.284.L.8), «умер» Клячко в Харкусской центральной тюрьме.

Чиновник Михаил Шеер был арестован 17 сентября 1941 года. В протоколе написано, что его привели в участок для выяснения национальности. М. Шеер признал, что он еврей по родителям, но перешёл в так называемую местную веру и давно отлучён от иудаизма.

Господин А. Д. из Таллинна рассказал мне историю спасения собственной тётки. Елена Емельянова (по рождению Добрыш) родилась в 1913 году и была гражданской Эстонии. Её муж Ян Емельянов был русским, гражданином Эстонии. Когда началась немецкая оккупация, Я. Емельянов сменил квартиру и спрятал свою жену на хуторе недалеко от Кейла-Йоа. Одноклассник Я. Емельянова, работавший в ЗАГСе, изъял из документов Елены всё, что упоминалось о её национальности. На этом хуторе Елена и пережила те тяжёлые дни. Конечно, она очень боялась и выходила из дома только в темноте, но осталась жива! Более того: когда жена брата Елены вместе со своим сыном вернулась в октябре 1944 года в Таллинн, Елена находилась в роддоме, где 12 октября родила дочь. Сейчас оба, Елена и Ян Емельяновы умерли, умерла и сестра Елены — мать г-на А. Д. Никто, в том числе и чудом родившаяся дочь Елены, не знает теперь, где точно находился тот хутор, и кто были те хуторяне и тот одноклассник — спасители Елены.

В Раквере живёт известная учительница музыки пианистка Брохе Роолаан (урождённая Катцин), которая 28 сентября 1993 года отметила своё 85-летие. У госпожи Роолаан один сын, пять внуков и четырнадцать правнуков. Она жизнерадостная, приветливая и моложавая дама, с которой легко беседовать и приятно общаться.

Б. Роолаан родилась в 1908 году в Тарту в семье Иты-Бейле и Йесея Катцин. В семье было девять дочерей, из которых три погибли в 1941 году, причём одна из них родила в тюрьме ребёнка. Брохе вышла замуж за эстонского скрипача Роберта Пеэнемаа.

Б. Роолаан рассказывает: *«Весной 1941 года мы поехали, как обычно, к родителям мужа в Люганусе, деревню Мустамятта, где у них был маленький хутор. Мы не верили, что с евреями произойдут такие ужасные вещи, и потому мы не эмигрировали, а остались в деревне, где и прожили все военные годы. Днём я вообще не выходила за пределы своего двора. Когда видела кого-нибудь из прохожих, пряталась на чердак. В деревне жили два или три человека, в основном старые. Их мне нечего было бояться. Так я жила до августа 1944 года. Однажды появился дальний родственник моего свёкра Бертрам Нейтсофф, который был фельдфебелем префектуры безопасности Кивиыли. Он пришёл предупредить меня — якобы на меня поступила анонимная жалоба, что я еврейка. Это письмо он уничтожил, но предупредил, что уезжает в отпуск, и если во время его отсутствия придёт ещё подобное письмо, может легко случиться, что меня скоро не будет в списках живых. Мне некуда было идти, и так я прожила под страхом, что за мной могут прийти, ещё один месяц. Своим спасителем я считаю Бертрама Нейтсоффа. Еврейская община Эстонии послала в мемориал Яд ва-Шем в Иерусалиме ходатайство о том, чтобы там посадили дерево в честь Бертрама Нейтсоффа, который после возвращения из Сибири живёт в Мыйзакюла».*

Известно, что в 1943-44 годах евреям помогали, например, жители Клоога. Евреи, находившиеся в лагере Клоога, были не из Эстонии: с 1942 года немцы привозили евреев почти из всех стран Европы (Чехии, Германии, Венгрии, Литвы, Латвии, Польши и т. д.). Большую часть из них убили в Эстонии, и они лежат в эстонской земле (спаслись примерно 100 узников). 1 сентября 1994 года в лесу Клоога, где были убиты примерно 2000 евреев из Европы, установлен обелиск с надписью: «В память обо всех евреях, погибших в Эстонии».

[Примечание: в книге Е. Гурин-Лоов прослеживаются судьбы 856 эстонских евреев; все они погибли]

Erandistusliikude laste

Pärnu-Jakobi

1517

Eesti Omavalitsus

Eesti Omavalitsuse
Sotsiaalkaitse osakond
SINNETULMUD
14 nov. 1941

Eesolevaga teatab, et ~~sinnetulmud~~ on kasvab-

vikuba is nastane juuditütarlaps - Beile R a t u t.

Kelle vanemad elavad Tallinnas Narvamnt. 58 - 2. Kas

peab R. Ratuti viit ära vaatama ja kuhu, vbi võib ta siin

edasi olla?

V. Parktal
asutuse juhataja

Письмо начальницы приюта для больных детей в Пярну-Яагупи госпожи Вирве Парктал, в котором она извещает начальника социального департамента о пребывании в приюте еврейской девочки Бейле Ратут и запрашивает дальнейших распоряжений.

Tallinn-Harju Prefektuur
4650-29.11.41

Määrus.

29. nov. 1941 a. Tallinn-Harju Prefektuuri Poliitilise Politsei

Jakt käesolevat juurdinat läbi juures, ja almas pidades, et kod. Beile

Raimi k. Ratut sündinud 1. I. 1921. a.

asukohal Nõdraamnt. kasv. asutusel Pärnu-Jakobi

käsitlustatuna kommunistlikult tegevusest osavõtmises, seepärast

määras:

kod. Beile Ratut!

vahistada ja peigutada Tallinna Keskvanginisse vahil alla kuul juurdinaga ispetamiseks.

Tallinn-Harju Prefektuuri
Poliitilise Politsei Jakt.

Käesolev määrus on minale kuulutatud:

Beile

Määrus kuulutatud. Vahistamine on täit mine kirjeldada siin
Tall. 29.11.41.

Распоряжение об аресте Бейле Ратут.

Süüdistatus. RATUT. Bertel Haimi tr., sünd. 1. jaanuaril
1928. a. rahvuselt juut, hariduseta, elukoht
Nõdra mõis. kaevat. asutus Pärnu-fabrik.

seundlus: juut.

Из дела Бейле Ратут. Обвинение: еврейка.

Временные директивы по обращению с евреями на территории Рейхскомиссариата Остланд

Окончательное решение еврейского вопроса на территории рейхскомиссариата Остланд будет проводиться в соответствии с указаниями, данными мною 27 июля 1941 года в Каунасе. Поскольку полиция безопасности в своих действиях уже руководствуется этими указаниями, нижеследующие временные директивы её не касаются. Единственная цель этих временных директив — обеспечить, чтобы всюду и во всех случаях, когда дальнейшие меры по окончательному решению еврейского вопроса невозможны, генерал-комиссаром или гебиткомиссаром были приняты максимальные меры:

I

а) в первую очередь эти директивы распространяются только на евреев-граждан Германского рейха, протектората Богемии и Моравии, бывших республик Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, СССР и государств, входящих в его состав, а также на евреев без гражданства;

б) остальным евреям, имеющим иностранное подданство, потомкам от смешанных браков, а также лицам, состоявшим в браке с евреями и не желающим разделить судьбу своих еврейских супругов, запрещается покидать территорию РК (рейхскомиссариата) Остланд как военную зону. Следует держать их под надзором. Для этого к ним могут быть применены такие меры, как обязательная ежедневная регистрация, запрет на перемену места жительства, запрет покидать городскую зону, ограничения в передвижении по ней. При необходимости они могут быть задержаны полицией до особого распоряжения.

II

Евреем считается тот, кто происходит, по меньшей мере, от трёх дедушек или бабушек, которые в расовом отношении являются чистокровными евреями. Евреем считается также тот, кто происходит от одного или двух дедушек или бабушек — чистокровных евреев, а также тот, кто:

а) принадлежит или принадлежал к еврейской религиозной общине;

б) на 20 июня 1941 года или позже состоял в зарегистрированном или незарегистрированном браке с евреем или еврейкой согласно определению, данному этими директивами, или в настоящее время вступает или вступит в такие отношения.

III

В случае сомнения гебиткомиссар или штадткомиссар решает, кто является евреем, по своему усмотрению, опираясь на эти директивы.

IV

Генерал-комиссары, в области которых введено гражданское управление, должны немедленно обеспечить следующее:

а) евреи в соответствии с приказом должны зарегистрироваться: сообщить фамилию, пол, возраст и адрес. Источником сведений для регистрации могут служить записи еврейской общины, а также сообщения надёжных местных жителей;

б) должно быть издано распоряжение о ношении евреями постоянных и ясно различимых опознавательных знаков — жёлтых шестиконечных звёзд, по меньшей мере 10 см в поперечнике, на левой стороне груди и на середине спины;

с) евреям запрещается:

1. Выезжать из своей местности или менять место жительства без разрешения гебиткомиссара или штадткомиссара.

2. Пользоваться тротуарами, общественным транспортом, автомобилями.
3. Пользоваться местами и заведениями отдыха (курорты и плавательные бассейны, парки и парковые зоны, игровые и спортивные площадки).
4. Посещать тротуары, кинотеатры, библиотеки и музеи.
5. Посещать школы любого типа.
6. Владеть автомобилями и радиоприёмниками.
7. Производить кошерный забой скота.

d) еврейские врачи и дантисты могут лечить или консультировать только еврейских пациентов. Там, где созданы гетто или лагеря, врачи должны быть направлены туда для лечения находящихся там евреев.

Еврейским аптекарям разрешается заниматься своей профессией только в гетто и в лагерях, в той мере, в какой в них ощущается потребность. Аптеки, прежде находившиеся под управлением евреев, должны быть переданы арийским аптекарям.

Еврейским ветеринарам запрещается заниматься своей профессией.

e) евреям запрещается заниматься профессиями, перечисленными ниже:

1. Адвокатурой.
2. Банковскими и обменными операциями, ростовщичеством.
3. Посредничеством и организацией агентств.
4. Торговлей недвижимостью.
5. Торговлей вразнос.

f) в отношении еврейского имущества приказано:

1. Общее указание: имущество еврейского населения подлежит конфискации и сдаче на хранение...
2. Обязательная регистрация: всё еврейское имущество подлежит регистрации...
3. Принудительная сдача имущества: еврейское имущество подлежит сдаче по специальному требованию. Требование может быть оформлено как общее объявление или как приказ, адресованный отдельным конкретным лицам.

Генерал-комиссар приказывает немедленно сдать следующее:

- a) местные денежные знаки и иностранную валюту;
  - b) ценные бумаги;
  - c) ценности всякого рода (монеты, золотые и серебряные слитки, другие драгоценные металлы, ювелирные изделия, драгоценные камни и т. п.).
4. Для поддержания своего существования еврейское население может сохранить:
    - a) предметы домашнего обихода для удовлетворения минимальных потребностей (мебель, одежда, постельное бельё);
    - b) сумму денег из расчёта 0,2 рейхсмарки (2 рубля) на каждого еврея-члена семьи в день. Деньги оставляются на один месяц вперёд.

О заключении всех проживающих в Эстонии евреев в концентрационный лагерь

Предписание немецкой полиции безопасности в Нарве полицейскому префекту в Раквере от 11 сентября 1941 года:

I. Все проживающие в Эстонии евреи будут собраны в один концентрационный лагерь.

II. До транспортировки [арестованных евреев] в лагерь полицейские префектуры [...] осуществляют следующие указания:

[...] Евреи обязаны носить на левой стороне груди и посередине спины хорошо различимую жёлтую 6-конечную звезду диаметром не менее 10 см.

[...] Евреям следует запретить:

- 1) менять местожительство или квартиру без разрешения префекта;
- 2) хождение по тротуарам, пользование средствами общественного транспорта (железная дорога, трамвай, автобус, извозчик) и автотранспортом;
- 3) посещение парков, купален и спортивных площадок;
- 4) посещение театров, кино, библиотек и музеев;
- 5) обучение в каких-либо школах;
- 6) владение радиоприёмниками и моторными средствами передвижения;
- 7) ритуальный убой.

Врачи и зубные врачи еврейской национальности имеют право оказывать медицинскую помощь и давать советы только евреям. Аптеки, находящиеся во владении евреев, следует передать в пользование фармацевтам из арийской расы. Еврейским ветеринарам запрещается работать по профессии.

Евреям запрещается:

- 1) работать адвокатами, нотариусами или юрисконсультантами;
- 2) работать в банковских, валютнообменных предприятиях и ломбардах;
- 3) действовать в качестве заместителя, агента или посредника;
- 4) торговать недвижимым имуществом;
- 5) торговать вразнос.

III. Распоряжения в отношении имущества евреев:

Имущество евреев будет отобрано. [...]

[Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941-1944). Сборник документов и материалов. Таллинн, 1963, с. 89-91]

Отчёт немецкой полиции безопасности об уничтожении евреев в Эстонии от 1 июля 1942 года

Согласно последней переписи населения, в 1934 году в Эстонии проживал 4381 еврей. Это число увеличилось в связи с иммиграцией из Австрии, Чехословакии и Польши, так что в 1940 году в Эстонии было немногим более 5 тысяч евреев.

Хотя евреи не имели политической власти в государственных учреждениях Эстонии, им, тем не менее, удалось продвинуться на ведущие места в экономике.

После оккупации Эстонии со стороны СССР сюда прибыло большое количество евреев, принимавших особо активное участие в политических преобразованиях. Будучи в качестве комиссаров и политруков на руководящих местах в компартии и НКВД, они контролировали настроения эстонского народа и активно участвовали в акциях по депортации. В истребительных батальонах, созданных в июне 1941 года, они также находились на руководящих позициях, так что до уничтожения этих батальонов или их отступления в Россию на их счету оказалась большая часть жертв в Эстонии.

С началом войны большая часть евреев эвакуировалась в Россию, захватив с собой своё имущество. Поэтому в Эстонии после освобождения оставался 931 еврей (468 мужчин и 453 женщины), которые были подвергнуты спецмерам. На сегодня Эстония свободна от евреев.

[Государственный архив Эстонии, фонд R-819, опись 1, ед. хр. 12]

Вопросы и задания по теме 1

1. Как объяснить нежелание многих евреев покинуть Эстонию накануне нацистской оккупации?
2. Что побуждало некоторых эстонцев выдавать евреев гестапо и вообще сотрудничать с нацистами?
3. Были ли попытки со стороны эстонского населения спасти евреев или как-то помочь евреям?
4. Что происходило с евреями в Таллинне и в других местах в течение лета-зимы 1941 года?
5. Как сложились судьбы таких известных людей, как:
  - Аба Гомер — раввин Эстонии;
  - Лазарь Гулькович — основатель кафедры иудаистики Тартуского университета;
  - Самуил Гурин — директор Таллиннской еврейской школы;
  - Иосиф Гиновкер — предприниматель;
  - Хирш Айзенштадт — руководитель Еврейской общины Эстонии?

2-й этап:
как погибли
евреи-иностранные
граждане
в Эстонии
(1942-1944 гг.)

Эстония недолго оставалась свободной от евреев. 16 марта 1943 года Герман Геринг издал указ восстановить сланцевую промышленность Эстонии в интересах немецкой военной машины. Генрих Гиммлер приказал основать в Эстонии лагеря, в которые можно было бы поместить ввезённую в Эстонию необходимую рабочую силу. В Вайвара был создан центральный концлагерь, куда уже в сентябре 1943 года начали свозить евреев из гетто Вильнюса и Каунаса. В Вайвара был создан своего рода распределительный пункт, откуда заключённых рассылали по трудовым лагерям, разбросанным по Вирускому уезду. Восстановить точный перечень лагерей оказалось невозможным, однако, по всей вероятности, в Вируском уезде они находились в Аувере, Азери, Эреда, Илинурме, Йыхви, Кивиыли, Кохтла, Кукрузе, Кунда, Куремяэ, Нарве, Нарва-Йыэсуу, Путка, Сака, Сланцах, Сонда, Вайвара (два лагеря) и в Вийвиконна. Концентрационный лагерь был в Лагеди, частью системы была и Таллиннская тюрьма. Если ко всем вышеперечисленным лагерям применимо понятие «концлагерь», то в 1942-1944 годах в Эстонии была также два «лагеря смерти»: Клоога и место проведения казней Ягала — Калеви-Лийва.

Трагедия
Калеви-Лийва

Калеви-Лийва — местность в волости Йыэляхтме уезда Харьюмаа. В 1942-43 годах нацисты убили здесь от 3 до 6 тысяч евреев, привезённых из стран Центральной Европы, а также цыган и советских военнопленных.

5 сентября 1942 года на станцию Раазику прибыл эшелон с тысячей евреев из гетто Терезиенштадт (Чехословакия). Узников расстреливали из автомата, предварительно разделив их на группы по три-пять человек, заставив раздеться догола, спуститься в заранее заготовленные глубокие ямы и лечь рядом друг с другом лицом вниз. Следующая группа ложилась уже на трупы — и так до заполнения ямы. Людей расстреливали весь день 5 сентября. Личные вещи и одежду убитых отвезли в лагерь Ягала и на специальный склад SD в Таллинне.

Спустя две недели ещё один эшелон пришёл с евреями из Германии. Было убито около 1000 человек из числа евреев, привезённых в Эстонию из Берлина и Франкфурта. Тех, кто казался фашистам годным к работе, отвозили в Ягала, откуда переправляли дальше в Таллинн, Тарту, Костивере... До 3 тысяч евреев, не отобранных для работ, были вывезены в урочище Калеви-Лийва и расстреляны. Трудоспособные были направлены в лагерь Ягала; впоследствии они тоже были расстреляны.

Расстрелы в Калеви-Лийва продолжались и в 1943 году — известно, что весной фашисты убили здесь около 50 цыган, 25 взрослых из лагеря Харку и 25 детей из эстонских детдомов. Весной 1943 года место расстрелов было замаскировано: местность была выровнена и засажена лесом. Массовые захоронения были обнаружены в 1961 году.

Концлагерь Ягала закончил работу в сентябре 1943 года. В том же месяце Лаак и Герретс, заметая следы, решили убить медсестру Ганку Дубову, которая слишком много о них знала. Расстрел Дубовой и её соседей по комнате стал, вероятно, последним убийством в овраге Калеви-Лийва. Позднее появились предположения о том, что выстрелы над оврагом продолжали звучать и после советской оккупации 1944 года, однако, как свидетельствует выданная архивариусом филиала Эстонского госархива Пеэтером Вальясом справка, никаких доказательств этого не было.

Узников-евреев Ягала вновь транспортировали: сначала в Гамбург, затем в Штуттхофф, потом в концлагерь Берген-Бельзен. Оттуда их в апреле 1945 года освободила британская армия. Из тысяч привезённых в Эстонию людей выжили лишь 45 женщин.

В 2002 году установлен памятник чешским, польским и немецким евреям, в 2007 году — убитым здесь цыганам.

Гита Машова: история выжившей

В 1944 году, когда в исходе войны уже никто не сомневался, прибывшая из Германии в Калеви-Лийва особая команда СС постаралась уничтожить следы массовых захоронений. Трупы были извлечены из земли, их пытались сжечь. Естественно, скрыть такое количество тел было невозможно; в ходе проведённой 16 лет спустя эксгумации на глубине 1,5-2 метров были обнаружены кости, волосы и автоматные патроны 9 калибра. Ясно, что в Калеви-Лийва было убито по меньшей мере 2500 человек, хотя, вероятнее всего, жертв фашистов было гораздо больше — до 6000.

«Вся моя жизнь состоит из случайностей, — рассказывала Гита репортёру газеты Suveleht Пирет Мязэнийт. — Самая большая случайность — то, что я всё ещё жива. Я была маленькой девочкой, когда мою семью вместе с ещё 1500 чешскими гражданами транспортировали с родины в Эстонию. В Раазику наш поезд сделал остановку — и я в последний раз увидела родителей. Позже я узнала, что их расстреляли в Калеви-Лийва 5 сентября 1942 года. А сто молодых людей, и меня в том числе, отправили на принудительные работы: девушек в Ягала, парней — ещё куда-то... Потом был тяжёлый труд в Костивере, Клоога, Раквере и таллинском порту — конечно, я была там в качестве заключённой...».

Гита Машова с признательностью вспоминает о том, что ей и другим узникам тайно приносили еду многие эстонские рабочие. В 1959 году в город Либерец, где она в то время жила, приехал мужской хор Густава Эрнесакса. Через него Гита передала в Эстонию письмо, в котором попросила поблагодарить всех помогавших ей людей. Очевидно, письмо попало в органы, и по делу об убийствах в Калеви-Лийва началось расследование (ещё в 1944 году Чрезвычайная государственная комиссия определила приблизительное число умерщвлённых в Калеви-Лийва людей — около 5 тысяч человек, однако после войны об этом словно забыли). Два года поиска доказательств завершились громким судебным процессом, в котором Гита также приняла участие. Публичное заседание суда проходило с 6 по 11 марта 1961 года.

Мере, Герретса и лагерного охранника Яана Вийка приговорили к смертной казни. Шеф полиции безопасности был осуждён заочно, он скончался в 1969 году в Великобритании. Что касается Лаака, то вряд ли можно считать совпадением то, что он покончил жизнь самоубийством в Канаде как раз в сентябре 1960 года...

На процессе многих интересовал вопрос: зачем понадобилось везти тысячи смертников за много километров — из Чехии в Эстонию? Почему их не расстреляли в Риге? Подсудимый Ральф Герретс дал на этот вопрос исчерпывающий и шокирующий ответ: *«Очевидно, посылку эшелона к нам выторговали для того, чтобы полиция безопасности получила одежду узников. Помню, что когда пришёл второй эшелон, все сердились: какой он "бедный" ...».*

Собственно, это и есть обыкновенный фашизм. Лаак, Герретс, Мере и другие работники полиции безопасности делали то, что делали, скорее всего, вовсе не ради независимости Эстонии и даже не потому, что ненавидели евреев. Они просто «выполняли приказ» не без пользы для себя, а на всё остальное им было наплевать.

Да, наверное, были люди, поступавшие на службу Третьего рейха из идеологических соображений, — но чаще всё было гораздо циничнее, банальнее и оттого страшнее.

В. А. И. Д. Ч. Е. Н. И. Е

1944 года, Октября 11-го дня. Прокурор следственного отдела Прокуратуры Бстонской ССР юрист 4-го класса В. Г. И., Военные следователи; военной Прокуратуры 8-й армии - майор юстиции САНЖАН, Прокуратор юстиции ЛЕНФРОНТА КОДЕСОВА и Прокуратуры 15-й Воздушной армии - капитан юстиции СОКОЛОВ, рассмотрев материалы расследования о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в районе холмов КАЛЕВИ-ЛЮИВА, уезда КАРЬВ, волости КУССАМУ Бстонской ССР,

У С Т А Н О В И Л И :

В период оккупации немецкими войсками Бстонской ССР, в Карьевской уезде, Куцсолсвской волости, в долине между холмами КАЛЕВИ-ЛЮИВА, расположенными в пяти километрах от деревни КАБЕРНЕ /25/ км восточнее гор. ТАЙИ /занимающими площадь около 700 метров в 1942, 1943 и 1944 годах войсками "СС" немецкой армии производились массовые расстрелы мирных советских граждан.

Холмы "КАЛЕВИ-ЛЮИВА" представляют из себя песчаные возвышенности, расположенные в стороне от больших дорог, далеко от крупных населенных пунктов, в пустынной местности, покрытой лесом.

Холмы расположены рядом с полигоном Бстонской Армии.

Немцы, пользуясь этой обстоятельностью, говорили местному населению, что в районе холмов ими производятся оборонные работы, поэтому никому из местных граждан не разрешается появляться в этом месте.

Район холмов немцами был объявлен "объявленными", что появляться в районе холмов категорически запрещается, охрана будет стрелять без предупреждения. Район холмов обнесен колючей проволокой и охранялся патрулями и постоянными постами.

В конце месяца 1942 года специальными командами немецких войск "СС", двумя железнодорожными эшелонами на станции РАВИЛУ было доставлено 3000 человек мирных советских граждан и через лагерь ИГОЛА в автобусах по 50-60 человек перевозили в холмы "КАЛЕВИ-ЛЮИВА".

В расписании в количестве 3000 человек, доставленные эшелонами, немцами на холме "КАЛЕВИ-ЛЮИВА" были расстреляны и трупы их зарыты на месте расстрела.

Немцами на протяжении 1943 и 1944 годов периодически в район холмов "КАЛЕВИ-ЛЮИВА" в автобусах доставлялись мирные советские граждане и те же расстреливались.

Таким образом в районе холмов "КАЛЕВИ-ЛЮИВА" немцами расстреляно мирных советских граждан около 5000 человек.

Ш 27
Условные обозначения:

- Могилы где были захоронены расстрелянные
- Ямы где были зарыты, посуда, личные вещи, исторические мет.
- Ямы где была зарыта гарь из пол костров
- Яма с пеплом и мелкими костями
- /// ПЛОЩАДЬ ОКОЛО 2 ГА. Усеянная мелкими костями.

ОСТАВИЛ 10.10.47 К-и Костицын

Шварцкопф

Трагедия
Клоога

В 1942 году в оккупированной нацистами Эстонии уже не было евреев. Примерно тысяча эстонских евреев, оставшихся здесь после прихода немцев, были схвачены и казнены. Осенью того же года нацисты стали организовывать в Эстонии трудовые лагеря, куда привозили евреев из Литвы, Латвии, Польши, Чехословакии и Венгрии, в меньших количествах также из Румынии, Франции и Германии. Основные лагеря находились в Ида-Вирумаа, где имелаась потребность в рабочей силе. Один из лагерей был основан в Клоога.

Общее число евреев, привезённых в Эстонию, неизвестно. По данным Мемориального института Яд ва-Шем, их число достигает 20 тысяч. Точные данные имеются только по Клоога, поскольку немцы не успели вовремя уничтожить документы этого лагеря. Сохранилась картотека с именами узников Клоога. По состоянию на 26 июня 1944 года, здесь было на учёте 2186 человек.

В лагере находились лесопилка и мастерская по изготовлению деталей из бетона. На должностях мастеров и вспомогательного персонала здесь работали наёмные рабочие из местных жителей. Поэтому режим в лагере был не столь жестоким, как в других местах.

Наступила осень 1944 года. Было ясно, что дни пребывания немцев на эстонской земле сочтены. Началась постепенная ликвидация лагерей. Была решена и судьба лагеря в Клоога. Генштаб СС разработал следующий план: отправить всех наёмных работников и «сомнительных» охранников в кратковременный отпуск; подготовить в большом количестве балки и сложить их в поленницы за день до ликвидации лагеря; ранним утром вывести узников на построение, а затем первую группу вывести за территорию лагеря и дать им указание сложить балки в поленницы. После укладки первого ряда балок нужно было дать приказ узникам лечь на балки и быстро их расстрелять. Следующие группы должны были покрыть трупы новым слоем балок. Всё это следовало повторять до тех пор, пока бы не образовались поленницы в четыре слоя, которые следовало бы облить бензином и поджечь. Предполагалось, что пепел будет развеян. Для проведения расстрелов на место должна была быть доставлена спецкоманда СД, которая специализировалась на таких акциях.

Ранним утром 19 сентября все заключённые были выстроены на территории лагеря, и им было сказано, что предстоит эвакуация лагеря. Узники поверили в это, так как такие перемещения бывали и раньше. Первую группу в 300 человек увели в лес готовить «эвакуацию». Уже скоро узники поняли, что происходит. Они оказали сопротивление, а некоторым удалось сбежать в лес. Устраивать погоню у немцев не было времени. Но большинство евреев всё-таки было силой отведено к поленницам, где акция продолжалась. Фашистам удалось сложить три таких чудовищных поленницы, четвёртую не закончили.

Оставшиеся на построении в лагере узники слышали выстрелы и забеспокоились. После возвращения немцев-конвоиров, которые отвели первую группу, началась всеобщая паника. Узники стали разбегаться и пытались спрятаться. Палачи сообразили, что их план срывается, и поэтому изменили свою тактику. Большую группу евреев отвели в расположенный поблизости от лагеря деревянный барак и расстреляли там. Двери барака заперли и само здание сожгли вместе с трупами и оставшимися там в живых узниками. После этого в лагере всё ещё оставалось примерно 800 человек. Их начали расстреливать там, где они в тот момент находились, поскольку немцам было уже ясно, что замести следы они не успеют. Всего было уничтожено около 2000 человек. В живых осталось 87 узников. Ночью немцы бежали.

В утренних сумерках к лагерю осторожно подошли местные жители. Было темно, везде валялись трупы. Слышалось движение людей, но узники боялись выходить из леса, так как не знали, кто есть кто. Только когда рассвело, стали видны масштабы трагедии. Потрясение от увиденного невозможно описать — столь ужасно, жестоко и бессмысленно было преступление.

Лагерь Клоога был создан в 1942 году. Его узниками были 2200 евреев, привезённых сюда преимущественно из Литвы. В картотеке лагеря есть упоминание и о привезённых сюда жителях Австрии и Германии, но в основном здесь находились из Каунаса и Вильнюса. Местных, эстонских, евреев в лагере не было ни одного — все они были уничтожены ещё в 1941 году.

Оставшиеся в живых узники Клоога свидетельствовали, что порядки там были довольно либеральными. Связано это в первую очередь было с тем, что охранниками работали обычно немцы и эстонцы, не отличавшиеся изобретательной жестокостью, как это было в других лагерях. Узники работали в нескольких мастерских: швейных, обувных, деревообрабатывающих, а также на производстве бетонных блоков.

Но 19 сентября 1944 года всех охранников в срочном порядке направили на какие-то учения. Их заменили бойцы зондеркоманды СС, прибывшие в лагерь с чётким заданием: лагерь уничтожить. Эсэсовцы своё жуткое дело знали — это было не первое их подобное задание.

Ликвидация лагеря началась утром. Каждый узник должен был взять одно бревно и идти с ним в лес. В первую партию фашисты определили около 300 человек. Остальные узники остались на территории лагеря в ожидании своей очереди. Но вскоре, когда из лесу послышалась стрельба, в лагере началась паника: люди бросились в свои бараки, где их и расстреливали. Когда лагерь был освобождён советскими войсками, то побывавшие там военные были в шоке: все полы в бараках были покрыты трупами. А узников из первой партии нашли в лесу. Фашисты заставляли их складывать из принесённых брёвен огромные костры. Человек клал своё бревно и должен был лечь на него; в этот момент эсэсовец выстреливал ему в затылок. Так и сложились костры: люди — брёвна — люди — брёвна...

Существует снятый после войны документальный фильм об этих событиях, в котором один из выживших рассказывает об ужасах этих дней. Всего во время ликвидации лагеря чудом спаслось 87 человек. Среди спасшихся — те, кто оставался на территории лагеря. Те, кто пытался сбежать в лес, были расстреляны на месте. В лагере же некоторым удалось спрятаться на чердаке или улечься между стропилами под крышей. Один из узников Клоога, Бенъямин Анолик, спрятался в грязном белье и пролежал там 3 дня, пока не услышал русскую речь. Впоследствии этот человек создал в Израиле музей. Он — почётный президент общества Януша Корчака. В его музее среди других экспонатов есть и уголок Клоога.

Почему местечко Клоога появилось на карте? В главном зале музея Яд ва-Шем мозаикой на полу выложены названия всех лагерей времён войны. Там есть и название Клоога. А произошло это потому, что в 1944 году к Сталину обратились военные атташе союзных войск с просьбой разрешить им поехать в только что освобождённый Таллинн: якобы хотели посмотреть на образец акустической торпеды, разработанной и брошенной немцами. И. Сталин разрешил, но приказал им взять с собой вагон журналистов. «Там есть ещё кое-что посмотреть», — сказал главнокомандующий.

И вот после осмотра торпеды атташе и журналистов повезли в Клоога. Это было примерно 24-25 сентября — кострища стояли нетронутыми. Надо сказать, среди тех журналистов были в будущем известные писатели: молодой Грэм Грин и др.

Фотографии из Клоога сразу облетели все главные газеты мира. Это был первый лагерь, который мир увидел изнутри. Все остальные лагеря ещё функционировали, и никто не знал, какие ужасы там происходят — Клоога был первым.

В 1944 году на месте трагедии был сооружён памятник. Эстонское государство выделило на него 400 000 крон. Убитые похоронены отдельно, на горке. Там теперь есть памятник.

В советское время табличка на нем сообщала, что здесь фашисты расправились с несколькими тысячами советских людей. Этот памятник был испорчен вандалами, а на его месте теперь новый, с правильной надписью на трёх языках: русском, идиш и эстонском.

Кроме того, существует ещё захоронение евреев на Метсакальмисту (Лесное кладбище). В Лагеди был полевой лагерь, и его уничтожили на день раньше Клоога — 18 сентября. Погибли 1000 человек, среди которых — 400 французских евреев и 600 уроженцев Литвы. Ежегодно 13 мая на Метсакальмисту приезжают французы из общества родственников убитых. Дата выбрана не случайно: именно 13 мая из Франции выехал поезд с 887 мужчинами-узниками. Часть немцы уничтожили в Каунасе, а часть привезли сюда.

Каждый год 18 и 19 сентября Еврейская община Эстонии, Таллиннская еврейская школа и все, кому дорога память безвинно погибших людей, приезжают в Клоога и на Метсакальмисту, чтобы положить камень и вспомнить уничтоженных там.

«Стрельба продолжалась много часов»

Из протокола допроса Гента по делу Гента¹ и Шнабеля² о расстреле евреев в лагере Клоога (Эстония)

Лагерь [Клоога]... Точно указать число находившихся там заключённых я не могу. Думаю, что их было около тысячи. [...]

За несколько дней до нашей посадки на судно в лагерь Клоога прибыла команда СД, примерно 50 человек. Я не знаю точно, по чьему поручению прибыли в Клоогу солдаты СД. Во всяком случае, они прибыли в лагерь в качестве подкрепления эсэсовцам нашего штаба, в котором находилось еще примерно 15 человек. Однажды вечером в каменном здании нашего лагеря я услышал стрельбу. Там находилось более сотни евреев, которые спали в комнатах вповалку. Все они были этой ночью расстреляны. Стрельба продолжалась много часов. Я не принимал участия в этом расстреле и не могу сказать, кто из эсэсовцев, относившихся к нашему штабу, и в каком звании участвовал в этой стрельбе. Я не могу сказать, были ли трупы вынесены из здания на следующее утро или в последующие дни, и кто это сделал. Я не могу также ничего сказать и о том, что случилось с трупами.

В день перед нашим отходом из бараков были выведены все находившиеся в них евреи. Их построили группами по 100 человек и повели к находившейся поблизости котловине. Там их заставили стать на колени. Указания по этому поводу дал Брейннес³, находившийся тогда в Клооге. Вместе с Дальманом я с небольшого расстояния наблюдал за происходящим. Никаких служебных функций у меня не было. Из котловины евреев приводили в бараки, расположенные в задней части лагеря. Расстояние составляло примерно 200 метров. В это время я получил от Брейннеса поручение привести в главный лагерь евреев, находившихся в соседнем лагере, в полудне ходьбы от главного. У меня было впечатление, что об этих евреях в тогдашней суматохе чуть не забыли. Я выполнил поручение. Один и невооружённый, я пошёл туда и привел их в главный лагерь. Я не знаю, сбежал ли кто-нибудь [по дороге] — у меня, во всяком случае, было впечатление, что я привел в Клоогу всех евреев из того лагеря. Их тоже привели к котловине, а оттуда — в бараки. Этой же ночью бараки были подожжены, и все евреи погибли. Меня спрашивают, были ли эти евреи предварительно расстреляны в бараках. Ничего по этому поводу сказать не могу. Во всяком случае, я в тот день не слышал никакой стрельбы. Кто поджёг бараки, я также не могу сказать.

[Архив Яд ва-Шем, TR-10/1196]

---

¹ Унтершарфюрер СС Вильгельм Гент служил в лагере Клоога.

² Обершарфюрер СС Гельмут Шнабель был комендантом лагеря Эреда.

³ Гауптштурмфюрер СС Отто Брейннес.

Мы всё время голодали. До конца жизни не забуду тех дней, когда мысль вертелась вокруг одного и того же: что с родителями и как добыть кусок хлеба. Перед глазами стояли горы булочек и ароматные яичницы.

Мы работали то на лесоповале, то клали железнодорожные пути, то делали под них насыпи. Вместе с нами работали женщины. Мы с братом старались всегда быть в одной группе. Однажды, работая за несколько километров от лагеря, брат ускользнул в лес. У леса — эстонский хутор. Эстонцы не побоялись принять брата. Позднее он и меня к ним брал. Они говорили по-русски, были приветливы. Давали нам согреться, вымыться в лохани, поесть горячего. И, конечно, всё даром. Да и откуда у нас могли быть деньги? Впрочем, они и не просили. Просто — хорошие люди. Как видите, нас не охраняли неустанно. Знали — отсюда не убежать.

Всякое случалось. Мой дядя, Шнеер Дунский, был в лагере могильщиком. Умерших хоронили за пределами лагеря. Могильщик выходил из лагеря, хоронил покойника и возвращался. Видимо, за ним не очень-то следили. Во всяком случае, так думал мой дядя и решил, используя случай, добыть еды. Догадавшись об этом плане, охранники застрелили его прямо на месте, в воротах лагеря. Я слышал этот выстрел — находился тогда поблизости, в больничной палате. Лишь позже я узнал, что этим выстрелом убили моего дядю.

Я лежал в палате, потому что заболел тифом. В лагере была эпидемия тифа. До сих пор не могу понять, почему нас, больных, не пристрелили, а поместили в палату. Как только появились первые признаки болезни, больных изолировали. Какое счастье было лежать в больнице, не работать и получать хлеб. Мне казалось, сильные умирают раньше слабых. Обычно узники лагерей не болели легкими болезнями, но эпидемия косила всех подряд. Лежать в палате для больных было для нас равносильно тому, что попасть в рай. Всякий раз, когда немец входил в палату, больные в постели должны были вытянуться. Когда температура падала, больные получали большую порцию еды, чтобы окрепнуть. Большую — на целый ломтик хлеба.

Обычно, когда мы получали вечером порцию хлеба, я думал, на сколько частей её поделить, чтобы хватило на целый следующий день. А может быть, съесть всё сразу и хотя бы ненадолго забыть о голоде? А может, поделить на две части или на три? Чаще всего у меня хватало выдержки съесть столько, сколько запланировал.

В лагере, как раньше в гетто, я вёл дневник, но он не сохранился.

В один прекрасный день пришел приказ ликвидировать лагерь. И снова нас переводят в другой лагерь, в Кивиоли. Вышло человек двести. Идём пешком. Вещи охранников-эстонцев погрузили на телегу, а нас в неё запрягли. На дворе зима. Кругом снег. Мы тонем в снегу, снег душит нас, спим, зарывшись в снег. Сто километров пыток. Я едва живой, всё ещё слаб после тифа. Меня качает. Еле тащусь, то и дело останавливаюсь. Знаю, что в отставших стреляют, но больше идти не могу. Нисан понимает это. Последние километры он несет меня на руках. Спаситель. Так мы шли день и ночь, и ещё один день, пока наконец не дошли до цели — лагеря Кивиоли.

Моя первая работа состояла в том, что я добывал топливо. Мы выходили из лагеря в горы и там копали. Оттуда топливо привозили в вагончиках. Израэль Чипелевич — комендант лагеря, из евреев, был человеком порядочным, делал всё, что было в его силах, чтобы облегчить нашу участь. Немцы убили его.

В лагере большинство узников были одинокие, без семей Мужчины и женщины. Мужчинам разрешалось свободно входить в женский барак. Здесь было много депортированных из Вильно, в том числе и всякая мразь, и преступники. Некоторые узницы мечтали иметь мужчину-заступника, но, конечно, это была не единственная причина. Преступники же пользовались моментом — относились к узницам как к наложницам. Но были среди них и настоящие защитники.

В этом лагере были и русские военнопленные. Мы виделись с ними только на работах — они жили в отдельных бараках. Были здесь и цыгане, и немецкие евреи, и польские проститутки.

Какое-то время я работал в столовой. Рядом жили немецкие инженеры с семьями. В мои обязанности входила, в частности, заготовка для них дров для печки. Убирали в их домах еврейки. Немецкие женщины относились к ним особенно жестоко, но от мужчин случалось услышать доброе слово. Немцы тоже получали хлеб лимитировано. Они хранили его в особом ящике возле постели. Иногда, работая в доме, мне удавалось незаметно стянуть оттуда кусочек.

Между узниками разных лагерей существовали различные хитроумные формы связи. Как-то раз меня отправили разгружать вагоны с дровами. В одном из мешков со стружкой оказался список: фамилии людей и названия мест, откуда они прибыли, и куда их собираются перевести. Глаз жадно ищет знакомые имена и вдруг — о, чудо! — имя моего отца. В списке евреев из лагеря Клоога. Как туда попасть?

В мае 1944 года нам объявили, что сто человек должны быть переведены в Клоогу. Мы с братом тотчас же записались.

Лагерь СС Клоога

Отец находился в Клооге с сентября 1943 года. Его невозможно было узнать. Ему было всего 50 лет, а выглядел он как глубокий старик: согбенный, с лицом, изборождённым морщинами, близорукий. Вместе с ним был мой дядя Володя Почтер. От них я узнал, что гетто уже не существует.

А мама?

Это был самый ужасный из лагерей, в которых мне доводилось быть. За колючей проволокой — два здания: женский блок и мужской.

Рядом площадка, где проводилась проверка. В нашем блоке было два больших зала, каждый человек на 300, а по бокам — комнаты поменьше. Спали мы на деревянных трехэтажных нарах. 2500 узников — молодых, стариков, мужчин и женщин. Еды мало, к тому же она отвратительная. Работа каторжная.

Я работал на отливке бетонных свай, длинных, метра по четыре, ужасно тяжёлых, для укрепления бункеров. Подвинешь такую сваю — и буквально кишки вываливаются.

В июле 1944 года нас вывели к морю — можно сказать, «на экскурсию», километра два от лагеря. И вот мы — грязные, вшивые, гниющие — плещемся в воде, полной грудью вдыхаем воздух и отогреваемся на солнце. С тяжёлым сердцем возвращались в лагерь, на холодные, жёсткие нары, к тяжелейшей работе. Я подумал: если и отсюда выйду живым, значит выживу, и война скоро окончится.

Меня всё время мучил голод, но я не унился до того, чтобы побираться. К счастью, я не курил. Помню, как в Аувере узники бросались поднимать выплюнутые немцами окурки, как работали ошалело только потому, что закончившему работу первым немец обещал сигарету — потом либо держал слово, либо нет.

Однажды во время переключки нас спросили, есть ли желающие перейти в другой лагерь. У моего брата была теория, что чем чаще меняешь место, тем больше шансов выжить. Перемещаться, быть в движении — в этом спасение. Поэтому мы, отец, брат и я, вызвались добровольно перейти в другой лагерь. 22 августа нас привезли в лагерь Лагеди. Тогда мы еще не знали, что страница «Клоога» для нас не перевёрнута.

Лагеди — это тоже безлюдное место, среди лесов и полей. И хотя мы провели там только три недели, оно для нас памятно: здесь мы расстались с отцом.

Когда мы прибыли на место, у ворот нас ждали человек сто лагерных ветеранов. Они сказали, что через этот лагерь прошло уже много «смен» еврейских узников. Вероятно, и сам лагерь был построен заключёнными. Там мы встретили Германа Крука, нашего воспитателя из молодёжного клуба в Виленском гетто. Крук долгие годы вёл дневник, и шесть человек из наших, в том числе Нисан, знали, где он его прячет. Герман просил, чтобы те, кто останется жив, после войны достали его записки из тайника. Кажется, из всех шестерых остался жив только мой брат. После освобождения он поспешил в Лагеди, нашёл дневник и привёз его в

Вильно. Читать его было очень трудно — так мелко он был написан. Дневник мы передали Абе Ковнеру.

Между тем в Лагеди нас поселили в бараках без полов, нар и лавок — мы спали на голой земле. Зато кормили здесь лучше. За пределами лагеря жил с семьёй сержант СС, эстонец. Во дворе его дома была полевая кухня с топкой и котлами. Я работал здесь истопником, и мне, как и моим напарникам, позволяли доедать то, что оставалось в котлах. Отец и брат работали в самом лагере.

Прошло недели три. Однажды во время работы к нам подошел немец и приказал немедленно вернуться в лагерь. Он что-то сказал об эвакуации. Мы поняли, что нас снова переводят. Я тут же вернулся в лагерь, чтобы успеть увидеть отца и брата. Однако оказалось, что отца уже вывезли с первой группой. Нисан же, к счастью, смог меня дождаться. В дорогу каждый из нас получил буханку хлеба, мармелад и сахар. Первый раз в лагере дали целую буханку — это было потрясением.

Нас погрузили на машины — отдельно женщин и мужчин. Ехали стоя, в страшной давке, вместе с охранниками. Как обычно в таком случае, думали, куда и зачем нас везут. Но мы не очень волновались — все чувства в нас уже были подавлены.

Сломался грузовик, в котором везли женщин, и наш шофёр остановился, чтобы помочь другому. Починка продолжалась до самой темноты. Двинулись дальше. Ехали вдоль леса. По дороге нас остановил немец и сказал, что на сегодня здесь работа закончена: «Отправляйтесь в Таллинн!».

Тогда мы не поняли, о какой работе шла речь.

После войны брат искал отца, но безуспешно. Он узнал, что на той самой лесной опушке, неподалёку от которой нас остановил немец, высадили первую группу узников. Здесь же, на вырубке, их расстреляли. Отец был среди них. Это случилось 18 сентября 1944 года. Спаслись только двое: Ариэль Шимонович, который был легко ранен, и Ротборд, которому пуля попала в затылок, но он сумел под огнём уйти в лес.

Ариэля Шимоновича я встретил позднее в лагере Клоога. Он рассказал мне, что его вместе с сыном привезли на эту опушку. Немцы делали «связки» по десять человек и приказывали одному за другим подниматься на приготовленный костёр. Когда люди усаживались на поленьях, в них стреляли, а потом поджигали костры. Когда замолкли выстрелы, Ариэль понял, что лишь ранен. Немцы отошли за бензином, а он тем временем выполз из кучи трупов и добрался до леса. Несколько дней его прятали эстонские крестьяне, а когда вошла советская армия, его поместили в больницу. Через неделю он оказался в Клооге.

Немцы привезли нас в таллиннскую тюрьму. Страх обуял нас — мы узнали, что находимся в отделении приговорённых к смерти.

А на следующий день мы заметили, что немцы нервничают: суета, беготня. Они знали то, чего нам пока не дано было знать: Красная Армия уже близко. Нас снова погрузили в машины и, усилив охрану, повезли обратно в Клоогу. В лагере на площади собралось более двух тысяч узников. Их разделили на группы человек по 50, все на коленях, руки заложены за голову. Мы оказались там же. За нами — женщины, им тоже приказали стать на колени. За ворота вывели человек 300. Я видел часть из них уже по другую сторону забора. Каждый тащил на плече бревно или пень. Они ступали тяжело, медленно, пока не исчезли из виду. Один попытался бежать, и его тут же застрелили. Мы видели, как он согнулся и упал.

Наш дядя, Володя Почтер, увидев нас, подполз к нам. Он вынул из кармана часы и дал их моему брату со словами: «Мне они больше не понадобятся», — и вернулся к своей группе. Эти часы я храню до сегодняшнего дня.

Немцы выводили одну группу за другой и вели их в сторону ближайшего леса. Люди исчезали в лесу, раздавались автоматные очереди. Мелькнула мысль: «Нас ликвидируют, мы стоим в очереди за...».

Среди узников росла тревога. До этого момента мы с братом жили в согласии: он был лидером, он принимал решения. Я смотрю на него и вижу: он не реагирует. Тогда я беру

инициативу и говорю: «Нисан, бежим». Мы отделяемся от группы: вначале я, за мной — брат. За нами ещё человек пятнадцать. Вначале неуверенно, затем бегом.

Добежали до здания. Нам кажется, что немцы преследуют нас, что ещё мгновение — и мы услышим выстрелы и взрывы. Поднялись на последний этаж дома, влезли на нары, заложились подушками. Внизу прозвучали выстрелы. Потом наступила тишина. Звенящая тишина. Когда спустя несколько часов мы выглянули в окно, то увидели языки пламени, догоравшие в лесу. Один из узников вышел на разведку. Вернувшись, он сказал, что и в здании, и во дворе — множество трупов. Оказалось, что последнюю группу немцы не успели отвести в лес — расстреляли на месте. Я вышел во двор. Наткнулся на труп женщины с младенцем на руках. То была не еврейка: немцы уничтожали там всех подряд. Тем временем одна из узниц, переодевшись в обычное платье, пошла посмотреть, что происходит. Она вернулась и крикнула нам: «Немцев нет!».

Это было 24 сентября 1944 года.

Первых советских солдат мы проводили в лес. По пути — сожжённый дом, от которого уцелел только фундамент да труба, лежали кости, не догоревшие останки.

Позже Абрам Вапник рассказал мне, что он и Ицик Обелевич были как раз в той группе узников, которых завели в этот дом. Немцы выстроили узников в цепочку, одного за другим (впереди Абрама шел его отец), и хладнокровно стреляли в каждого. Абрам тоже получил пулю в затылок. Раненый, он лежал под грудой тел. Другие умирали рядом, и он видел их предсмертные конвульсии. Буквально под телами он пролез к выходу. Незамеченным добрался до окна. Когда немцы увидели его и начали стрелять, Абраму уже удалось скрыться в лесу.

Пока же мы с советскими солдатами углублялись в лес. Вдруг мы наткнулись на костры. Обуглившиеся поленья, а среди поленьев — сожжённые тела. Костры были сложены из больших поленьев, в середине было укреплено нечто вроде жестяной трубы, чтобы во время горения мог проходить воздух. Немцы заставляли людей ложиться на поленья лицом вверх и стреляли в каждого. На слой трупов снова клались поленья, на которые снова ложились люди. Так, слой за слоем, четыре раза. Немцы возвели «строения» из поленьев и людей. Потом облили костры бензином и подожгли их.

Поленья ещё тлели. В середине костёр выгорел полностью, до самой земли, а по углам остался почти целым, так что было видно, что некоторые перед расстрелом закрывали себе шапкой глаза. Зрелище было ужасающее. Среди убитых мы узнали и наших друзей. Вокруг лежало тряпье — верхнюю одежду узникам приказывали снять и оставить на земле вместе с документами и фотографиями.

Чуть поодаль мы увидели ещё один костёр. Поленья были сложены ровно, посередине — труба. Мы догадались: этот костёр был приготовлен для нас.

Недалеко, на соседней опушке, лежали останки женщин. Кто-то пытался бежать, но все были расстреляны. Отсюда никто не ушёл живым.

Так были уничтожены 2500 человек. Мы не плакали в этой Долине Плача. У нас уже не было слёз. А советские солдаты, глядя на этот ужас, плакали.

Клоога был одним из первых освобожденных лагерей смерти. Офицеры Красной Армии приводили сюда солдат, чтобы они воочию увидели лицо врага, против которого сражались. Прибыли и журналисты. Прибыли немногие уцелевшие из других лагерей — всего человек 70. Рассказам не было конца.

Я был полон решимости мстить. Я отправился в Лагеди, чтобы найти эстонского сержанта, у которого работал. Но он скрылся. Пришлось вернуться в Клоогу. Месяц спустя нас перевезли в Вильно.

Сорок шесть лет спустя

Из Клооги я вышел свободным, но осиротевшим, и эта свобода влила в меня первые капли надежды. Но я никогда не освободился от воспоминаний. Что бы я ни делал в дальнейшем, память о Клооге всегда была со мной.

В живых нас осталось немного, и мы, небольшая горстка уцелевших, завели обычай время от времени встречаться. Днём встречи мы выбрали 19 сентября — день уничтожения узников Клооги в 1944 году.

Большинство узников Клооги, наряду с трагическими воспоминаниями, сохранили в памяти день встречи с советскими солдатами — день освобождения. В моём альбоме также хранятся несколько фотографий тех дней. Мне очень хотелось встретиться с солдатами, первыми вошедшими в Клоогу. О некоторых из них мы кое-что знали. Мы установили с ними контакт, хотя и нерегулярный. Наконец, судьба подарила мне встречу с одним из них — в Израиле. Профессор Яков Наумович Гаухман, пожилой уже человек, рижанин. В Израиль он приехал туристом в июне 1990 года. Бывшие узники Клооги так хотели встретиться с ним, что мы перенесли нашу ежегодную сентябрьскую встречу на июнь. Он говорил с нами на идише — полузабытом языке своего детства. Вот его рассказ:

«Мы остановились под Нимой. Спустя несколько дней, то ли 21-го, то ли 22 сентября мы, разведгруппа, на грузовиках доехали до лагеря. На воротах мы увидели надпись “Klooga Waffen-SS Lager”. Мы почувствовали сладковатый запах горящего человеческого мяса. Мы хорошо знали этот запах — ещё по Ленинграду. В печах фабрики, возле которой мы были расквартированы, день и ночь сжигали тела умерших от голода ленинградцев. А кости и прах сбрасывали в болота. Теперь на этом месте растут деревья — их называют “цветами победы”».

В лесу, недалеко от лагеря Клоога, мы увидели с десяток догоравших огромных костров. И тысячи обгоревших человеческих тел. Тела лежали головой к центру, верхняя часть туловища у них была сожжена. А у тех, кто лежал к центру ногами, остались только головы. Это было ужасное зрелище. Даже мы, видевшие блокаду Ленинграда, видевшие смерть, были потрясены. Мы стояли у костров и не могли выдать из себя ни слова. Мы плакали. В лагере стояли пустые бараки — людей не было. Кругом — брошенные в беспорядке инструменты. Видимо, сожжённые на кострах ещё совсем недавно работали здесь.

Где-то около часу дня ко мне подошёл молодой солдат, Коля Брилев, и сказал, что в одном из отдалённых барачков — кажется, это был картофельный склад — есть живые. И верно, там было человек 10-12 живых, если их можно так назвать. Скорее, это были полумёртвые. Их вид вызывал ужас: измученные, почерневшие, обессиленные, дрожавшие от страха и голода. Среди них были две женщины. Одна, серьёзно раненная, кажется, выползла со стрельбища у костров (стрельбищем я называю то место, где узников расстреливали). Вторая, молодая женщина, была совершенно лысая. Тяжелобольная, она, однако, сохранила ясный ум. Ее звали Люба Фридман-Тамаше. Еще я помню двух братьев: один высокий, другой пониже. Они рассказали нам, что в день расстрела спрятались в лагере и остались живы.

На следующее утро мы должны были двинуться дальше, в направлении Турбы — Пярну. Всю ночь мы проговорили с уцелевшими евреями, которые все ещё не верили, что остались в живых.

Вернувшись к командиру батальона в Турбе, мы доложили ему обо всём, что видели и слышали. Говорят, через пару дней в Клоогу прибыла государственная комиссия. А с ней журналисты, среди них такие известные, как Илья Эренбург, Алексей Толстой. Они впервые описали освобождение лагеря смерти.

Долгие годы мы искали в Вильно и Ковно людей, спасшихся из Клооги. Совершенно случайно мы нашли Любу. От нее в 1984 году мы узнали, что в Израиле живет несколько уцелевших из Клооги.

Сейчас, когда я уже стар и сед, Бог послал мне встречу с вами, чтобы рассказать вам, какими увидел вас, узников, в тот далекий день советский солдат-еврей. Бог дал мне счастье посетить музей “Дом борцов гетто”, постоять, склонив голову, у места памяти лагеря Клооги и почтить память погибших».

Клоога-1989

В мае 1989 года, спустя 45 лет после того, как я покинул Эстонию, я вновь оказался здесь и проделал путь из Таллинна в Клоогу. На сей раз я был в роли туриста, ехал в роскошном автобусе, в сопровождении журналистов и советского офицера, по происхождению еврея, одного из участников боёв за освобождение Эстонии от гитлеровской оккупации.

Я был в составе группы израильтян. Нас было 17 человек — бывших узников гетто в Вильно и Ковно, а также концлагерей в Латвии и Эстонии, и нескольких из той тридцатки, что вышли живыми из Клооги. Мы хотели посетить лагеря, в которых уничтожали евреев, познакомиться с жизнью и деятельностью еврейских организаций. Кроме того, я собирался установить контакты с архивами и музеями, собирающими материалы, посвящённые Второй мировой войне и Катастрофе.

Прибыв в Таллинн, мы были приятно удивлены: у гостиницы развевались флаги, среди которых был и израильский. Но тут же последовало разочарование. Оказалось, что посещение Клооги не было запланировано организаторами, да и само название «Клоога» вызывало у них недоумение — они такого населённого пункта не знали. Вскоре выяснилось, что Клоога находится на ныне закрытой территории. Нам дали понять, что посетить Клоогу невозможно. «У вас ведь тоже есть закрытые территории», — убеждали нас.

Однако мы поставили ультиматум: или едем в Клоогу, или остаёмся в гостинице! Подействовало.

Едем в Клоогу!

По дороге экскурсовод рассказывала нам о сельском хозяйстве Эстонии, об особой эстонской породе коров. Но наши мысли были далеко 19 августа 1944 года: по дороге едет грузовик, в нём 40 мужчин, стоят, теснота — их везут в концлагерь. А перед нами ещё одна машина — с женщинами. Мы переезжаем из тюрьмы в Таллинне в лагерь в Клоогу. Впереди и позади — десятки эсэсовцев.

Нынешняя встреча с Клоогой началась у монумента, что поставлен неподалёку от места уничтожения. Минута молчания. Почтили память погибших. На монументе по-русски написано: «Здесь гитлеровцы уничтожили 2500 евреев, эстонцев, литовцев, русских и сыновей других народов». Хотелось поправить: 2500 евреев, только евреев.

Сопровождавший нас советский офицер проводил нас на опушку, где уничтожали узников Клооги. Говорят, что до сих пор в искусственном озере, что создано неподалёку, находят человеческие кости.

В Таллинне я встретился с директором Центрального архива Эстонии. Он выдал мне папки с документами, связанными с Клоогой. Я просматривал картотеку узников. 2500 фамилий, написанных по-русски и по-немецки, на бумаге из-под мешков, в которых обычно возят цемент. В одном документе я нашел данные об узниках, работавших на строительстве бетонных фундаментов под бункеры. Там я прочитал: Бенъямин Анолик, номер 819.

1994 год. Эстония, Клоога

Не могли мы не заглянуть сюда, в столь значимое для меня место — тем более, что близилась печальная дата: пятидесятая годовщина уничтожения нацистами узников этого концентрационного лагеря, пятидесятая годовщина освобождения тех немногих, что уцелели.

В связи с этой датой здесь по инициативе бывших узников Клооги (скажу не без удовлетворения, что и по моей инициативе) открыли новый памятник. На нем слова: «19 сентября 1944 года здесь были уничтожены 2500 евреев».

Открытие получилось торжественным. В нем участвовали Президент и Председатель Парламента Эстонии, Председатель Кнессета профессор Шевах Вайс из Израиля.

Полвека спустя мы, горстка оставшихся в живых бывших узников Клооги, проделали тот путь, который для многих из наших друзей и родных оказался последним.

Вот и ворота лагеря. Дальше — вход воспрещён. Здесь на протяжении многих лет располагалась воинская часть Советской Армии. Теперь войска покидали Эстонию. Сквозь ограду мы увидели постройки, площадь между ними, и в памяти живо всплыло былое: здесь на площади в день уничтожения сидели узники с заведёнными за голову руками, разделённые на группы по сто человек... Нам с братом повезло — мы выжили.

Подъезжаем к Лагеди. Местные жители ещё помнят, где находился лагерь, и безошибочно указывают нам это место. В лагере Лагеди погиб мой отец. Здесь в соседнем лесу, на какой-то опушке нашёл он своё последнее пристанище. Но на этом печальном огромном погосте нет ни надгробий, ни указателей... Лагеди — такое благозвучное и такое страшное слово. Слово, которое заставляет моё сердце то отчаянно биться, то замирать.

Вайвара — самый крупный нацистский лагерь на территории Эстонии. Сюда свозили евреев со всех концов, чтобы затем распределить их по двадцати четырём лагерям в Эстонии. И я был одним из них! Сюда меня привезли после ликвидации Виленского гетто в 1943 году. Обрили наголо, надели робу, лишили имени, присвоили номер...

Недавно в Вайваре по инициативе простого эстонского крестьянина Арво Рии установили памятный камень евреям, погибшим в лагере.

А вот что рассказала нам одна из местных крестьянок: молодая девушка работала на молокозаводе. А рядом трудилась эстонка, вольнонаёмная. Как-то голодная, измождённая еврейка попросила у неё молока, и та не отказала, подала стакан... Немец, исподтишка наблюдавший за этой сценой, выхватил у девушки стакан и бросил его в неё, и ещё пощёчину отвесил.

Этот эпизод эстонка запомнила на всю жизнь... В память о прошлом она подала каждому из присутствующих по кружке молока.

В лагерях Эстонии

Стенограмма беседы с Нисимом Аноликом

Меня вывезли 3 сентября 1943 года в Эстонию. Сначала мы приехали в лагерь Вайвара. Там находилось управление всеми лагерями. Лагерь Вайвара был самым главным... Он был окружён двойной колючей проволокой. На каждом краю лагеря стояли будки, где находились охранники с пулемётами. В 8 километрах находился лагерь Фификона. Место было очень болотистым, болото доходило до колен. Там стариков клали в болото совершенно голыми и избивали до смерти.

Мы работали там по вырубке леса и строительству железной дороги. Питание было такое: утром кофе, днём водянистый суп и вечером 300 грамм хлеба и 25 грамм маргарина. Вскоре лагерь перешёл в ведение СС, а работа производилась в организации Тод. Тодовцы во время работы избивали. Потом были организованы так называемые переклички — «аппель». Такой аппель проходил 3-4 часа, а в воскресный день до 8 часов. В воскресный день работали, а если один раз в месяц не работали, то это было ещё хуже. Сразу отобрали у нас все вещи и оставили только по одной рубашке, одному полотенцу — и всё. Ревизии делались ежедневно. Если находили у кого-нибудь запретные вещи, то избивали. Наказание было такое: оставляли на целый день без пищи. Привязывали без пальто к столбам на несколько часов. Были специальные скамейки, на которые укладывали наказываемого, привязывали руки и ноги. Один немец садился на шею, а другой специальной нагайкой, изготовленной из бычачьего члена и перетянутой стальной проволокой, избивал, причём наносилось по 25-50-75 ударов.

Когда выходили на работу, и кто-нибудь отходил на два метра от остальной группы заключённых, то в него стреляли. Если замечали, что кто-нибудь разговаривает с человеком из мирного населения или получает от него кусок хлеба, то его также расстреливали. Был случай, когда один из заключённых взял у товарища рубаху, чтобы вне лагеря её продать или выменять на хлеб какому-то эстонцу. Так как это заметил немец, то у него весь хлеб забрали, а так как этому заключённому нечего было вернуть владельцу рубахи, то он бросался под поезд. Немец смеялся и говорил, что так надо всем заключённым поступить.

В начале декабря началась эпидемия сыпного тифа. Немцы раз пошли нам навстречу и разрешили вместо супа нагреть воду для бани. В бане обязаны мыть женщин и мужчин вместе. После бани надо было совершенно голыми стоять 10 минут на 18-градусном морозе на улице... От сыпняка и голода смертность поднялась на 40%. Во время сыпного тифа я пролежал две недели в так называемом лагерном лазарете с температурой 40°, без питания, потому что кушать хлеб не мог, а другого питания не давали; так как воды там было мало, то я мог пить чай в ограниченном количестве. Сразу после болезни меня погнали на работу, многие, конечно, с работы не возвращались. 4 февраля, когда началось наступление Красной Армии около Нарвы, все лагеря восточной Эстонии эвакуировались на запад в лагерь Кивиыли и Эреда. Так как главная дорога была занята отступающими войсками, нам приказали идти берегом моря. Всех слабых, отстающих бросали в море.

Мужчины жили в бараках отдельно от женщин. Детей, как правило, в лагере не было. Всех детей и стариков уничтожили. Было два случая рождения детей в лагере. Их живыми на глазах матерей бросили в кочегарку. В лагере Курема немецкий врач доктор Гент позвал к себе в кабинет 23 старика, среди них известный варшавский гинеколог доктор Фингергут и виленский рентгенолог доктор Ивантер, велел им стать на колени, взял топор и разрубил пополам и велел нам части тела убитых бросить в огонь. При приезде в лагерь главного врача всех лагерей доктора Батмана надо было, когда он входил в больницу и выкрикивал «Achtung!», всем больным складывать руки на одеяле; кто же не успевал положить руки, то получал палкой от доктора. Всем лежащим больше недели он вспрыскивал «эвипан», который должен был сразу вылечить, по его словам. Это был наркоз, от которого больной, конечно, умирал.

В Кивиоли и Эреда работали на сланцевых камнях. В Эреда был устроен второй большой лагерь для больных и слабых. Из всех лагерей привозили их туда. Там их или уничтожали, или увозили на расстрел в Ригу и даже в Вильно, но это не был транспорт. Конечно, тем, кого увозили, говорили, что их увозят в санатории.

Немцам в принципе нельзя было кланяться, но и за то, что им не кланялись, они били, а если им кланялись, то также били. Работа продолжалась от зари до ночи. В лагере большинство было из Каунаса и Вильно. Кроме того, были люди из Праги, Берлина, Гамбурга, Вены, Риги, Брюсселя и Парижа. Они жили отдельно от нас, но мы узнали о них, так как получали вещи с их надписями после их уничтожения. Все каторжники носили номера на левой стороне груди и правой стороне около колена. Кто во время работы отлучался и уходил немного дальше, тому наклеивали специальную красную звезду на спину. Он был уже на подозрении. Одна женщина ушла из лагеря и через два дня вернулась. Ей надели две больших доски с надписью: «Ура, ура, я опять вернулась».

Несмотря на этот тяжёлый режим, мы получали немецкие газеты, а многие имели возможность при починке аппаратов немцам слушать радиопередачи из Москвы.

В мае месяце прибыл большой транспорт досок из местечка Клооги, и там были написаны фамилии виленских евреев. Так мы узнали о существовании большого лагеря. Так я узнал о пребывании в Клооге своего отца. В мае месяце во время переключки отсчитали 200 человек, среди которых случайно оказался и я с братиком, нас отправили в лагерь Клоога. Когда я приехал в лагерь, то отца и других знакомых буквально нельзя было узнать — так они исхудали. В этом лагере было очень тяжело, хотя бытовые условия там были немного лучше, так как мы жили в доме бывшего военного городка. Не было никакой возможности общаться с местным населением и добыть таким образом какое-нибудь питание. Работы производились в самом лагере. Мы строили там укрепления из бетона, как женщины, так и мужчины. Женщины целый день таскали 50-килограммовые мешки с цементом.

В июне месяце эвакуировали лагерь из средней Эстонии — Киоле и Эреда в Клоогу, которая находилась в западной части.

Во время эвакуации часть расстреляли в Эреде, часть отправили в Данциг, а часть прибыла в Клоогу. В августе месяце отобрали 500 человек, посадили в две больших автомашины и отправили в другой лагерь — Лагеды. Во время поездки немцы гуляли по нашим головам. Там мы работали на постройке укреплений. 18 сентября приехал главный комендант и сказал, что не может смотреть на плохие условия жизни, в которых мы находимся. Он решил их улучшить. Он сказал, что он нас переведёт в новый лагерь, где нам дадут одеяла, вещи и хорошие квартиры. Он велел выдать нам по 2 килограмма хлеба, жиров, сахара и т. д. Это нас очень удивило, мы всё ещё ничего не понимали. Посадили нас по 50 человек в автобус. В одной из этих машин уехал мой отец. Я с братом уехали последними. По дороге машина испортилась, и туда, где находился будто бы новый лагерь, мы прибыли в 8 часов 30 минут вечера. Я услышал разговор немцев о том, что уже поздно, и мы опоздали, так как лагерь переполнен, и что нас поведут в Таллинн переночевать в гостинице, а оттуда отправят обратно в лагерь Клоога.

Нас привезли в Таллинн. Повезли в таллиннскую гостиницу, которая оказалась таллиннской тюрьмой. Мы там переночевали, а утром нас отвезли в Клоогу. Вместе с нами ехало еще 50 немцев из специальной зондеркоманды СД. В тюрьме мы узнали, что месяцем раньше нас там проживали евреи из Парижа. После освобождения, когда я был на месте расстрела 500 человек из Лагеды, одна эстонка рассказала мне, что месяц тому назад там тоже происходил расстрел. Очевидно, расстреляли этих парижских евреев.

Когда мы приехали в Клоогу, то мы увидели, что все стоят на переключке по сотням, а не по местам работы, как всегда при переключках. Часть людей сидела на корточках. Из этих людей отобрали 300 мужчин, как будто для выгрузки вагонов с брёвнами. На кухне распорядились приготовить для отобранных мужчин хороший обед. В это время отобранные люди пошли в лес и строили там сооружение из брёвен для костра. На этом сооружении их и расстреляли в первую очередь. В два часа дня взяли ещё 30 мужчин. Через пять минут мы

услышали пулёметную очередь, и немцы вернулись за другими людьми. В тот момент я понимал, что там расстреливают людей, и хотел поскорее выйти к кострам, но мой младший брат сказал, что пусть его расстреляют на месте. Тогда мы спустились на нижний этаж и легли под первую попавшуюся кровать. За нами вошло ещё много людей. Потом пришли немцы, которые расстреливали всех под кроватями и на кроватях наугад.

Немного позже привезли 90 русских женщин, среди них находился трёхмесячный ребёнок; их всех расстреляли в проходах между кроватями, мы оказались заваленными трупами. Так мы пролежали двое суток, а на третьи вылезли и пошли на чердак, где ещё находились спрятавшиеся там евреи. В окно мы увидели, что что-то горит в лесу. На пятый день — 24 сентября мы увидели первого офицера Балтийского флота. Тогда мы вышли и пошли в том направлении, где пять дней тому назад вели наших товарищей. Мы увидели, что сгорел восьмикомнатный дом, там находились кости погибших людей.

Один из товарищей спасся из этого дома. Вот что он рассказал: когда его вывели с первой партией из 300 человек, их заставили устраивать сооружение из брёвен для костров, недалеко в лесу. После этого часть людей должна была лечь на эти сооружения, а 30 человек погнали к домику. Перед домиком ложились лицом к земле, и немцы по одному брали каждого за шиворот и вели в комнату. Когда они вошли в комнату, там было полно трупов. Его положили на эти трупы, и эсэсовец сказал: «Спокойно, мальчик, всё равно осталось жить недолго». Он три раза в него выстрелил, и он упал, обливаясь кровью, но сознания не потерял. Когда немец ушёл, он постарался улечься поверх трупов. В этой комнате многие женщины кричали. Многие были только ранены, раненые старались вылезти из-под трупов, но им это не удалось. Перед уходом немцы стали лить бензин в комнату, ему удалось выскочить в окно и бежать в лес, где он прожил несколько суток. Его фамилия — Вахник Абрам Моисеевич.

На расстоянии 300 метров от лагеря мы нашли ещё сооружённые костры, которые совершенно не были использованы.

Три костра оказались со сгоревшей серединой, а края остались нетронутыми. Вокруг них были разбросаны вещи. Сначала укладывался слой дров, потом слой людей, они ложились, и их расстреливали в затылок. На сто метров кругом лежали трупы людей, умерших не сразу и пытавшихся бежать. В этот день в лагере погибли 3 тысячи человек, а спаслось 102 человека. В лагере женщинам совершенно сбрасывали волосы, а мужчинам от лба до затылка выбривали пятисантиметровую полосу.

Однажды из лагеря убежал один человек. В наказание за этот побег было расстреляно 60 лагерников. Одного надсмотрщика в лагере называли «шестиногим», потому что он всегда ходил с собакой. Если он видел, что кто-нибудь садился отдыхать, он натравливал на того собаку, которая приводила «виновного» к нему. Он его избивал и записывал номер для передачи лагерному коменданту; лагерный комендант наказывал «преступника» 50 ударами.

Корреспондент «Юнайтед Пресс» М. Гендлер, посетивший эти места, передаёт следующие подробности:

«В лесу, находящемся на расстоянии 25 миль от Таллинна, я видел нечто кошмарное: куски костей и клочья мяса — то, что осталось от тел 2800 мужчин, женщин и детей, которых отступающие нацисты расстреляли, а потом тела предали огню... Американские и английские корреспонденты, приглашённые советскими властями, единодушно свидетельствуют, что нельзя себе представить, чтобы люди были способны совершать такого рода злодеяния... Нам показали останки 2800 трупов и ещё семьдесят, которых немцы не имели времени сжечь. Мы видели также тех, кто спасся от истреблений.

В одном месте в лагере Клооги лежали сотни испепелённых тел. В другом мы видели три громадных костра, на которых немцы сжигали тела. Вблизи лагеря у главного здания мы видели два длинных ряда трупов. Их было около пятидесяти, между ними труп маленького ребёнка. В самом здании возле дверей валялось тоже много трупов; возможно, что здесь расстреливали при попытке к бегству. В помещениях стояли ряды нар, где мёртвые мужчины и женщины лежали в застывших лужах крови».

Свидетель Ратнер сообщает: «В феврале 1944 г. в лагере Клоога родилось двое детей. Их сожгли живыми...».

Ввиду приближения линии фронта невозможно было уничтожить все массовые могилы, которые находились дальше на юге и к востоку. В связи с этим я поехал с докладом в Берлин, после чего оттуда был послан группенфюрером Мюллером в Эстонию. Я передал тот же самый приказ оберфюреру Аахаммеру-Пирадеру⁴ в Риге, а также обергруппенфюреру Еккельну⁵. Я вернулся в Берлин за горючим. Сожжение трупов началось только в мае или в июне 1944 года. Я помню, что сожжение производилось в районе Риги и Ревеля [Таллинн]. Я присутствовал при таких нескольких операциях под Ревелем, но могилы здесь были меньше и содержали примерно по 20-30 тел. Могилы в районе Ревеля были примерно в 20-30 км к востоку от города, в болотистой местности, и я думаю, что 4-5 таких могил были вскрыты, а трупы сожжены,

Согласно этому приказу, в мои обязанности [уничтожить следы экзекуций] входили все районы действий айнцагрупп, но, ввиду отступления из России, я не смог полностью выполнить этот приказ...

Нюрнберг, 18 июня 1947
Пауль Блобель

[Нюрнбергские документы, NO-3947]

---

⁴ Аахаммер-Пирадер — начальник полиции безопасности в Риге.

⁵ Фридрих Еккельн — главный начальник СС и полиции Остланда.

Надпись
у входа в Клоогу
на немецком, эстонском
и русском языках.
1943 год.

KLOOGA

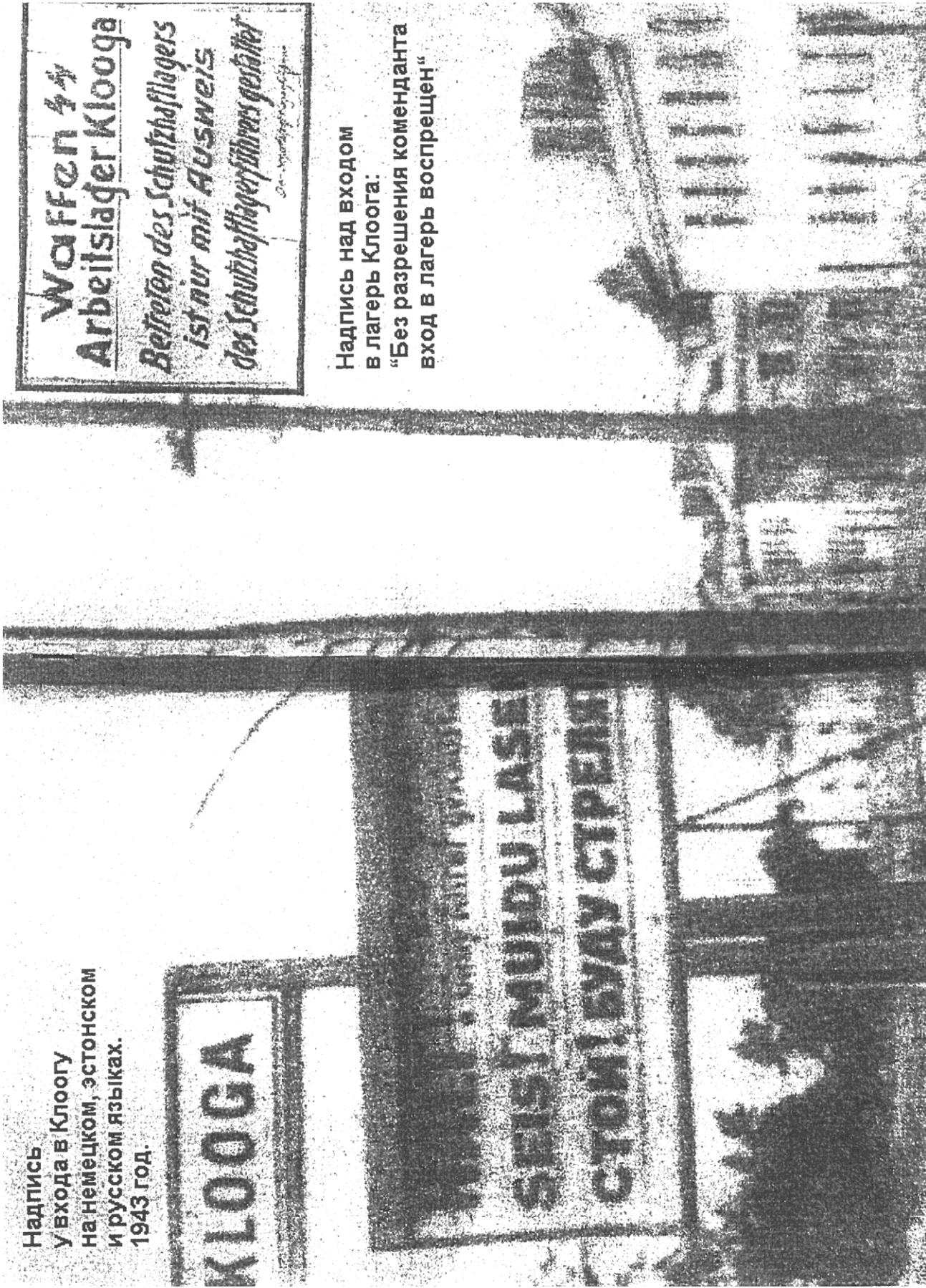
SIIS! MUUDU LASE
СТОИ! БУДУ СТРЕЛЯ

Waffen &
Arbeitslager Klooga

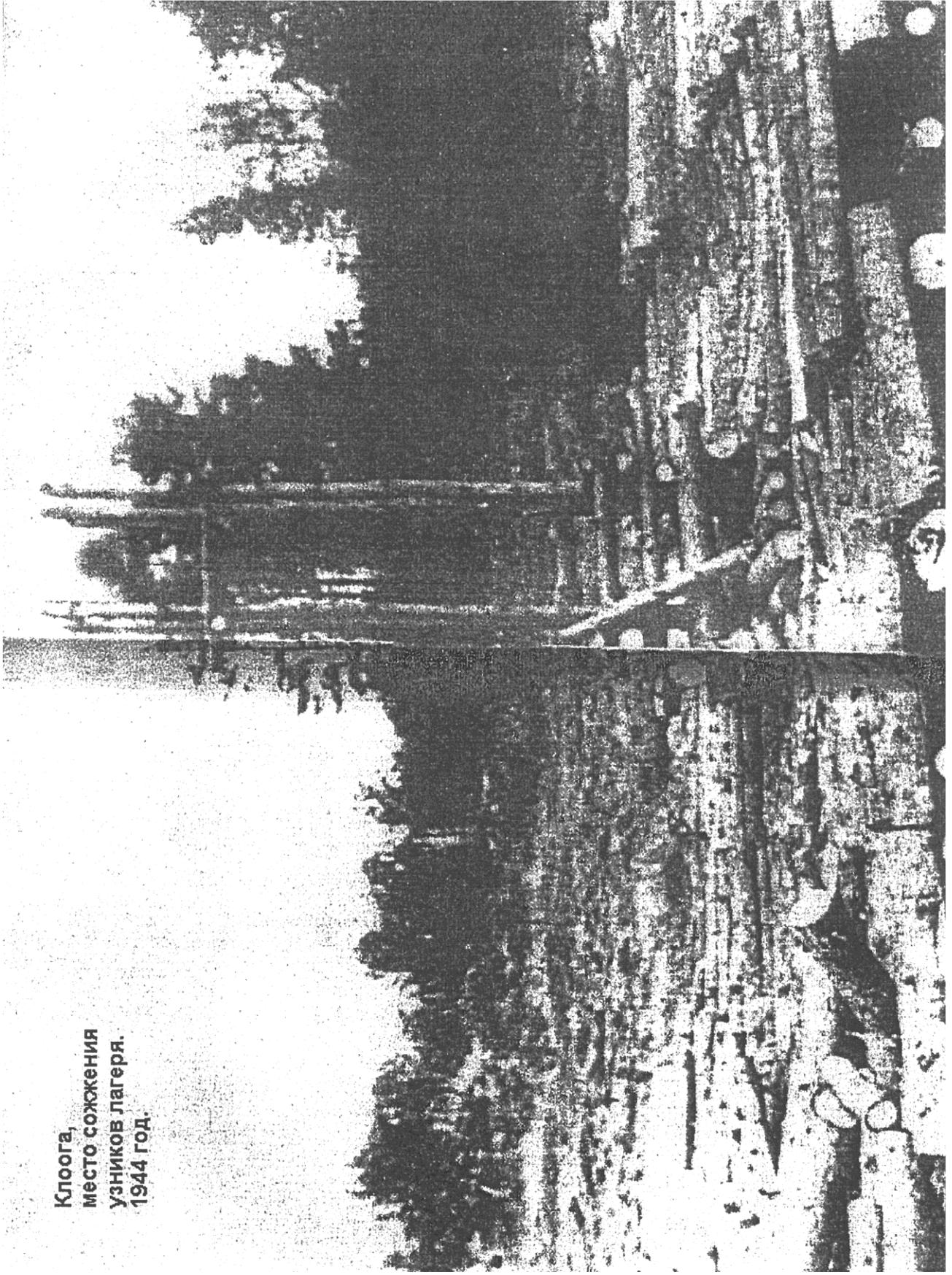
Betreten des Schutzhaftlagers
ist nur mit Ausweis
des Schutzhaftlagerführers gestattet

Dr. Wolfgang Guggen

Надпись над входом
в лагерь Клоога:
"Без разрешения коменданта
вход в лагерь воспрещен"

Клоога,
место сожжения
узников лагеря.
1944 год.

Herman Kruck, üks tapetute hulgast.

Herman Kruck, one of the Klooga victims.

Герман Крук, один из убитых.

הערמאן קרוק, איינער פון די געהארגעטע אין לאגער.

Üks timukatest, „laagriarst” Dr. Franz von Botman.

The “doctor” of the Klooga camp,
Dr. Franz von Botman — one of the executors.

Один из палачей — главный «врач» Франц фон Ботман.

איינער פון די גאזלאַגנים, "דאָקטער" פ. באַטמאן.

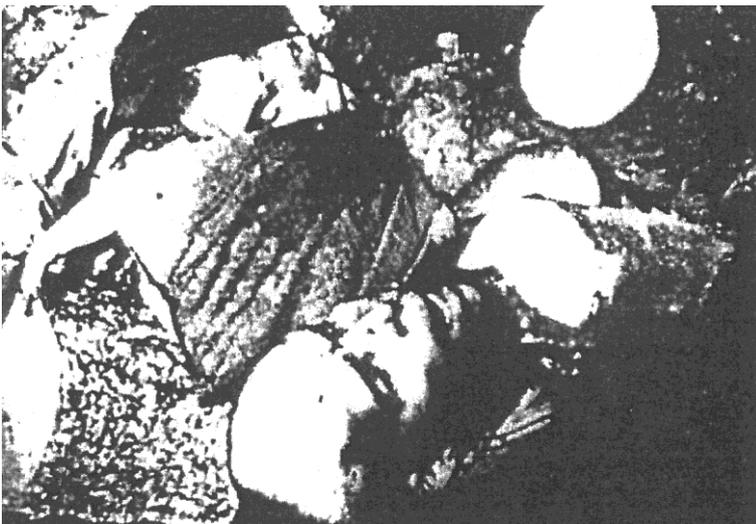

Klooga laagri viimane päev.

The last day of the Klooga camp.

Последний день лагеря Клоога.

דער לעצטער טאָג פון דעם לאגער "קלאָגא".

В годы Второй мировой войны на территории Нарвы, Нарва-Йыэсуу и в окрестностях фашисты создали 8 концентрационных лагерей и 7 тюрем. Среди них были и лагеря для евреев. Из сохранившихся в Нарвском городском музее записей очевидцев, а также «Актів расследований злодеяний фашистов» следует, что самыми крупными лагерями для евреев были концлагеря на Лънождутовой фабрике (теперь это территория Ивангорода Ленинградской области) и в Нарва-Йыэсуу.

Есть свидетельские показания о том, что осенью 1943 года в Нарву привезли до 5000 евреев из Вильнюса и разместили в корпусах Лънождутовой фабрики. Вследствие нечеловеческого обращения (в топках котельной сжигали не только трупы, но и живых обессиленных людей) к марту 1944 года в лагере остались 200-300 человек. Одним из выживших был Ицхак Зоар, приехавший в составе израильской делегации на открытие памятника в Клоога в 1994 году.

В лагере в Нарва-Йыэсуу содержалось около 3000 евреев, все они погибли.

Нарвская еврейская община стала одной из семи еврейских общин Эстонии, уничтоженных фашистами и увековеченных в Яд ва-Шеме, в Иерусалиме, в мемориале «Долина исчезнувших общин».

Воспоминания проживающей в настоящее время в Иерусалиме еврейки Маши Гринбаум, находившейся в 1943-1944 гг. в концлагерях Кивиыли и Нарва

Несколько ночей подряд вновь я видела во сне эту страшную дорогу между Нарвой и Кивиыли. Вокруг идёт охрана из эстонцев, спереди и сзади немцы на мотоциклах. Мы шли по ней целую неделю, ни разу за это время не дали нам ни пить, ни есть. Мы жадно глотали снег. На ночь охрана уходила на ближайший хутора развлекаться и спать, оставив нас в лесу на снегу. Мы сбивались в кучу, чтобы сохранить тепло. На нас были только хлопчатобумажные балахоны и деревянные башмаки на босу ногу. Я не знала, куда нас гонят теперь, и долго ли будет длиться путь.

Ночью мы могли бы бежать из того леса, брести по снегу... Куда? Эстонского мы не знали. Однажды нас оставили прямо под боком у деревни. Мы не постучались ни в одну дверь. Некоторые всё же говорили: «Можно бы попробовать спросить хотя бы тёплой воды?». Другие возражали: «Посмотри на охрану: почему ты думаешь, что остальные эстонцы окажутся другими?»

Охранники — и эстонцы, и немцы — одинаково страшно избивали заключённых. Если кто-нибудь из заключённых начинал в дороге пошатываться, к нему подходил охранник и сбивал с ног. Я видела, как эстонец-охранник одним ударом сломал руку заключённому. [...]

В один из сентябрьских дней в ходе проведения акции (Aktion) мою мать и отца арестовали. На вокзале нас загнали в вагоны для перевозки скота. Пять дней мы тряслись в темноте. [...]

Отобранных женщин загнали в большой вонючий подвал старого заводского здания. Мы сбились в дверях, и перед нами открылась картина. В первый момент я подумала, что мы попали в дом умалишённых, так как тамошние жители, несколько сотен женщин, сидели на нарах с чёрными лицами, обритые, в грязных полосатых платьях. На ногах у них были не туфли, а грубые деревянные башмаки. Большинство их что-то искало в своей одежде, искалось, наподобие собак.

Несколько женщин подошли к нам и заговорили на иврите: «Здравствуйте, мы из Вильнюса. Ну, что вы не занимаете своё место?». Мы оглядывались.

И тогда они поняли, что мы не понимаем! Одна из женщин заметила: «С сегодняшнего дня вы будете вспоминать жизнь в гетто как райскую. Завтра вас тоже обреют и выдадут такую же одежду. Спать будете без матрасов и постельного белья. А через неделю и у вас будут вши». [...]

На следующее утро нас обрили наголо. Волосы пошли на производство матрасов для Великой Германии. Ведь они были такими пунктуальными, на базе «отходов» от евреев у них были созданы целые отрасли производства.

Этот шаг, видимо, облегчал им то, что они подвергали нас мучениям — ведь после того, как нас обрили, мы больше уже не выглядели по-человечески. И мы не могли просто убежать, на нас был запечатлён статус заключённых.

Раз в месяц охрана водила нас в горячий душ. Пять минут под душем — и после этого мы, группа женщин, должны были проходить по коридору, где стояли охранники и смотрели на нас. Мы были совершенно голыми. Мужчины рассматривали наши, руки, ноги, фигуры... Никто не смотрел в лицо. У нас и не было ни лица, ни имени, мы как будто и не были людьми. Кто казался им слишком худым и болезненным, того уводили во время очередной акции. И мы надували животы, чтобы ещё раз живыми пройти сквозь этот строй. [...]

Ещё нас водили к некоторым эстонцам на уборку картофеля. Тогда мы, с риском для жизни, «организовали» картошку для себя. Засовывали несколько маленьких клубней себе под бельё. Обыском они обычно себе рук не марали. [...]

Официально по утрам мы получали светло-коричневую безвкусную воду — они называли это кофе. Вечером давали хлеб: один ломтик на четверых, который должны были сами поделить между собой. И ещё был суп: вода, капуста, кормовая свёкла и пару кусков конины на целый котёл. В животе всё время бурчало.

Недалеко от нас находился лагерь русских военнопленных. Их положение было гораздо хуже, чем наше — например, для них совсем не была предусмотрена обувь, и для ходьбы по снегу они оборачивали ноги в газеты. Часть наших людей были свидетелями того, как русские устраивали «облаву»: когда на территории лагеря оказывалась собака или кошка, они её ловили, рвали на куски и ели сырое мясо.

Поначалу я хотела убивать немцев, теперь ненависть немного угасла. Теперь я просто не хочу ни с одним немцем находиться в одном помещении. Даже с молодыми. Я просто встаю и выхожу вон. К эстонцам я не испытываю ненависти — видимо, благодаря той эстонской крестьянке, на поле которой мы работали два дня и которая сварила нам большой котёл картошки. Эту эстонку я всегда упоминаю всем иностранным журналистам, которые выражали желание выслушать мою историю.

«Я хочу рассказать о полной ликвидации всех заключённых...»

Из протокола допроса Лейхтера по делу Рента и Шнабеля об уничтожении евреев в лагере Эреда (Эстония) 24 июля 1944 года

Я хочу рассказать о полной ликвидации всех заключённых в лагере [Эреда] 24 июля 1944 года...

В четверг, 23 июля 1944 года, после обеда начали собирать дрова и хворост в лесу за лагерем. Эту работу выполняла часть евреев из лагеря. Другая часть евреев была занята рытьём за лесом двух круглых ям диаметром 10-12 метров и с максимальной глубиной 80 см. Из выкопанной земли была сделана насыпь вокруг ям.

Тогда же, в четверг пополудни или в первой половине дня в пятницу, грузовые автомашины привезли бочки с бензином и выгрузили их около ям. Водителями машин были эсэсовцы. Откуда они прибыли, я не знаю.

На основании этих приготовлений у нас уже в четверг вечером возникло подозрение, что евреи будут убиты.

В пятницу евреи остались в лагере. Начиная с этого дня, 6 эсэсовцев находились в лагере, в их числе и Шнабель.

К вечеру, около шести часов, мы увидели, что позади барачков высоко полыхает пламя. Одновременно были слышны выстрелы. Мы также видели, как евреев выводят из лагеря и расстреливают около ям.

С вышки шахты, с расстояния 40-50 метров было видно, что евреев подвели к ямам группами, каждый раз по 100-150 человек. Их ставили рядами, друг за другом. Тех евреев, которые стояли на насыпи, заставляли опускаться на колени. Три эсэсовца стреляли из револьверов им в затылок и стаскивали тела в горящие ямы. В некоторых случаях расстрелянных сбрасывали в яму идущие за ними евреи. В ямах находились дрова, облитые горячей жидкостью, очевидно, бензином.

Вначале эсэсовцы расстреливали у обеих ям. Однако, по-видимому, они не могли стрелять достаточно быстро, поэтому потом они начали расстреливать только у одной ямы. В сильном огне тела немедленно сгорали. Мы считали, сколько расстреливалось в течение четверти часа. Мне кажется, что число расстрелянных достигало примерно 75. [...]

Картина, которая предстала перед нами, была до такой степени зверской и невообразимо жестокой, что нам обоим было ужасно гадко. Евреи все время кричали и плакали, и, что вполне понятно, над всей местностью стоял ужасный смрад от сжигаемых тел. Как мы спустились с вышки, я сейчас уже не помню. Я только припоминаю, что мы вернулись в бараки и там выпили бутылку водки, чтобы выбросить из головы увиденные нами ужасы, совершению которых мы никак не могли помешать...

Вопрос: Сколько евреев, по вашим сведениям, было уничтожено в этой акции?

Ответ: Насколько я знаю, 1390-1400. Ни один не уцелел.

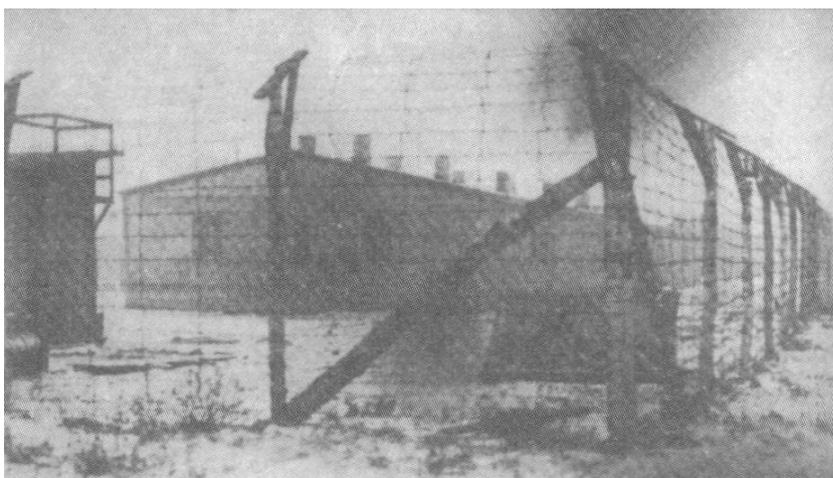
Вопрос: Откуда у вас это точное число?

Ответ: Это число было известно в лагере всем... В субботу эта акция ещё не была завершена. Расстрел продолжался и в понедельник. После этого в лагере не осталось ни одного еврея.

[Архив Яд ва-Шем, TR-10/1196]

Баракы лагера Кивиыли.

1943-44 гг.

Водонапорная башня в
Раазику помнит
происходившую на станции в
1942-1943 годах «селекцию»
будущих жертв Калеви-Лийва
и лагеря Ягала...

Современное фото.

Таллиннская центральная
(Батарейная) тюрьма, где
содержались еврейские
мужчины Таллинна осенью
1941 года.

Современное фото.

Уку Мазинг

(11.08.1909 — 25.04.1985)

Уку Мазинг вырос в крестьянской семье. Учился в Тартуском университете, на факультете теологии (с 1935 года есть отделение иудаизма и еврейской истории).

После окончания учебы в Тарту продолжил обучение в университете города Тюбинген (Германия). С 1936 года — профессор Тартуского университета. Свободно владел ивритом, был знатоком Библии, писал стихи на еврейские мотивы. В 1940 году отклонил предложение эмигрировать в Германию и остался в Тарту. Выделялся своим гуманизмом, резкой антипатией по отношению к нацизму, фашизму (это очень усложнило ему жизнь в условиях нацистской оккупации Эстонии). Он отказался сотрудничать с оккупантами и их пособниками, подвергался преследованиям (его квартира и часть научного архива были разграблены). Укрывал научное достояние университета и частных лиц, имеющее отношение к иудаизму (в том числе — ритуальные предметы Тартуской синагоги; часть имущества после войны была возвращена законным владельцам).

Уку Мазинг (с помощью Эхи Мазинг) укрывали своего студента (будущего ленинградского профессора философии) Исидора Левина и оказывал ему помощь (убежище, еда, поддельные документы). «Мазинг был единственным, на кого я мог рассчитывать», — свидетельствовал профессор Левин.

Мазинг был задержан гестапо по подозрению в укрывательстве еврея — Левин случайно попал в их руки, но был отпущен — «сработали» поддельные документы. И после этого случая У. Мазинг помогал И. Левину.

После изгнания нацистов был членом Государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений против человечества на территории Эстонии, автор доклада о лагере «Клоога» и об уничтожении евреев в Эстонии. В советское время работал на кафедре философии Тартуского университета, автор нового перевода Библии на эстонский язык, а также ряда публикаций по иудаике.

Профессор У. Мазинг и его супруга Э. Мазинг — Праведники народов мира с марта 1997 года.

כאילו קיים עולם חלא ככל המקיים

ככל המקיים נפש אחת WHOEVER SAVES ONE LIFE IS AS THOUGH HE HAD SAVED THE ENTIRE WORLD

תעודת כבוד Certificate of Honour

THIS IS TO CERTIFY THAT IN ITS SESSION OF DECEMBER 29, 1996 THE COMMISSION FOR THE DESIGNATION OF THE RIGHTEOUS, ESTABLISHED BY YAD VASHEM, THE HOLOCAUST HEROES & MARTYRS REMEMBRANCE AUTHORITY ON THE BASIS OF EVIDENCE PRESENTED BEFORE IT HAS DECIDED TO HONOUR

וזאת לתעודה שבישיבתה ביום י"ט טבת תשנ"ז החליטה הוועדה לציון חסידי אומות העולם שליד רשות הזכרת השם על יסוד עדויות שהובאו לפניו לתת כבוד ויקר ל

אוקו ו-חיה נאזינג *Uku & Chia Nazing*

WHO, DURING THE HOLOCAUST PERIOD IN EUROPE, RISKED THEIR LIFE TO SAVE PERSECUTED JEWS. THE COMMISSION, THEREFORE HAS ACCORDED THEM THE MEDAL OF THE RIGHTEOUS AMONG THE NATIONS. THEIR NAME SHALL BE FOREVER ENGRAVED ON THE HONOUR WALL IN THE GARDEN OF THE RIGHTEOUS, AT YAD VASHEM, JERUSALEM.

על אשר בשנות השואה באירופה שינו נפשם בלבם להצלת יהודים נרדפים בידי רודפיהם ולהעניק להם את המדליה לחסידי אומות העולם. שמם יונצח לעד על לוח כבוד בחורשת חסידי אומות העולם ביד ושם.

Jerusalem, Israel
MARCH 5, 1997

נתן היום בירושלים
כ"א אדר א' תשנ"ז

Aimey Shalev
בשם רשות הזכרת השם
ON BEHALF OF THE YAD VASHEM DIRECTORATE

[Signature]
בשם הוועדה לציון חסידי אומות העולם
ON BEHALF OF THE COMMISSION FOR THE DESIGNATION OF THE RIGHTEOUS

ככל המקיים נפש אחת כאילו קיים עולם חלא ככל המקיים WHOEVER SAVES ONE LIFE IS AS THOUGH HE HAD SAVED THE ENTIRE WORLD

Полина Ленцман

Полина Ленцман родилась в 1907 году в эстонской семье, в селе Джурчи на Крымском полуострове. Большинство жителей этой деревни были немецкого происхождения (фольксдойче), и поэтому Полина с детства хорошо знала немецкий язык. После замужества Полина переехала в село Береговое Бахчисарайского района, которое, в основном, было населено эстонцами. Там у Полины родились трое детей.

Зимой 1940 года в село приехала Дина Кругликова, молодая 18-летняя учительница из еврейской семьи из Крыма, и начала работать преподавателем в начальной школе.

Вначале Дина жила в здании школы, а позже переехала в дом эстонской семьи Торбек, соседней Ленцманов, с которыми Дина вскоре познакомилась ближе. В этот период, до немецкой оккупации, у Дины был роман с Виктором, одним из пятерых сыновей Торбек. После нападения Германии на Советский Союз мужчины села вступили в ряды Красной Армии и ушли на фронт. Среди них был и муж Полины Ленцман, и Виктор Торбек.

Когда 30 октября 1941 года немецкие войска оккупировали Береговое, они потребовали от старосты села Вилли Меремеса предоставить списки коммунистов, комсомольцев и евреев. Он заявил, что таких людей в селе нет. В конце ноября, по всей вероятности, после доноса, немцы пришли в дом семьи Торбек и арестовали Дину Кругликову.

Она категорически отрицала, что она еврейка, плакала и умоляла солдат отпустить её. Полина Ленцман, услышав крики на улице, пришла на помощь Дине, заговорив с солдатами на беглом немецком, что очень их удивило. Она сказала им, что знакома с Диной с 1940 года, и точно знает, что девушка — русская. Она сказала также, что, как мать троих детей, не стала бы рисковать своей жизнью и защищать Дину, не будучи уверенной в своей правоте. Немцы отпустили Дину, потребовав от неё явиться на завтра к ним в участок с документами, подтверждающими, что она русская. К счастью для Дины и её спасителей, на следующий день немцы покинули село, направившись в Севастополь, где в те дни шли ожесточённые бои.

Несмотря на то, что в этот раз Дине удалось спастись, было очевидно, что её необходимо спрятать. Полина предложила взять её к себе, и Дина прожила у неё три недели — с ноября до середины декабря 1941 года.

В начале декабря немцы арестовали и убили сапожника-еврея и троих его детей, жителей Берегового. Это случилось неподалёку от их дома, прямо в селе. Многие жители были свидетелями этого жестокого убийства. Приблизительно в это время Виктор Торбек вернулся домой. Он слышал о том, что произошло с семьёй сапожника, и сказал Дине, что его семья хочет помочь укрыть её. Он организовал для неё укрытие в своём доме и в подвале дома Полины. Дина пряталась как в доме семьи Торбек, так и в других временных укрытиях в близлежащих сёлах у друзей Виктора.

При содействии главы сельсовета Полине удалось достать для Дины паспорт, где было написано, что она русская. В августе 1942 года у Дины родился сын Геннадий, и Полина взяла их обоих к себе в дом. 8 января 1944 года Виктора арестовали и отправили в трудовой лагерь в Германию.

После того, как в апреле 1944 года регион освободили, сотрудники НКВД арестовали Полину Ленцман по подозрению в сотрудничестве с немцами. Её освободили после того, как многие жители села свидетельствовали в её пользу и рассказали о её деятельности в годы оккупации. Когда Виктор в 1946 году вернулся домой, они с Диной поженились и остались жить в Береговом. Дина вернулась к работе в местной школе.

3 июля 2003 года Яд ва-Шем удостоил Полину Ленцман почётным званием «Праведник народов мира».

Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности

1. Эстония и Холокост

1.1. Убийство эстонских евреев

Облавы и убийства начались сразу после появления в Эстонии первых немецких войск, сразу за которыми следовали специальные подразделения Einsatzkommando (Sonderkommando) 1А под командованием Мартина Сандбергера, входящие в особую группу Einsatzgruppe А, подчинённую Вальтеру Шталекеру. Аресты и казни продолжались с продвижением немцев по территории Эстонии. Примерно 75% эстонских евреев, зная, что их ожидает, бежали в Советский Союз. Почти все оставшиеся (от 950 до 1000 мужчин, женщин и детей) были убиты до конца 1941 года. Среди них были единственный раввин в Эстонии, профессор иудаистики из Тартуского университета, евреи, покинувшие еврейскую общину, психически больные, несколько ветеранов Освободительной войны в Эстонии. По имеющимся сведениям, воину в Эстонии пережили не больше двенадцати евреев.

1.2. Убийство иностранных евреев на территории Эстонии

Немцы привозили в Эстонию неизвестное число евреев из других стран, в том числе Литвы, Чехословакии, Германии и Польши. В Ягала в 1942 году был создан трудовой лагерь, комендантом которого был эстонец Александр Лаак. В течение 1942 года несколько транспортов прибыли из Терезина. До 3000 евреев, не отобранных для работ, были вывезены в Калеви-Лийва и расстреляны. Лагерь Ягала был ликвидирован весной 1943 года, а большинство узников – расстреляны.

В сентябре 1943 года в Вайвара был создан лагерный комплекс под командованием немецких офицеров Ганса Омейера (Hans Aumeier), Отто Бренне (Otto Brennais) и Франца фон Бодмана (Franz von Bodman). Комплекс состоял примерно из двадцати полевых лагерей, некоторые из которых существовали недолго. Во время наступления русских осенью 1944 года какое-то количество пленных было эвакуировано по морю в концентрационный лагерь Штутгоф под Данцигом. В Клоога были расстреляны примерно 2000 заключённых, тела которых сложили в штабеля и сожгли. Убийства происходили также в центральной тюрьме Таллинна, в лагере в Тарту и в других местах.

1.3. Участие подразделений эстонских подразделений немецких сил и полицейских батальонов в актах геноцида и преступлениях против человечности (включая убийства евреев и депортацию евреев и других гражданских лиц) в городах и пересыльных лагерях за пределами Эстонии, а также в трудовых и концентрационных лагерях на территории Эстонии. Роль эстонских частей в этих действиях

Исследователи, сотрудничающие с Комиссией, изучили материалы послевоенных судебных процессов, которые проходили в СССР, чтобы выяснить, где размещались и действовали конкретные эстонские военные подразделения и полицейские батальоны в разные периоды времени. Некоторые из этих материалов можно сравнить с данными, приведёнными в книге «Eesti Vabadusvõitlejad» («Эстонские борцы за свободу»). Кроме того, мы получали информацию от частных лиц и из мемуаров. На основании проведённых исследований Комиссия делает вывод, что Эстонский легион и несколько эстонских батальонов активно участвовали в облавах и расстрелах евреев, по крайней мере, в одном белорусском городе (Новогрудок), выполняли охранные функции, по крайней мере, в четырёх польских городах (Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь), охраняли несколько лагерей в Эстонии и других местах, участвовали в отправке в Германию неизвестного числа гражданских лиц из Польши и Белоруссии.

5. Использование принудительного и рабского труда

Исследователи Комиссии обнаружили свидетельства того, что в разных местах Эстонии, в частности, в лагерном комплексе Вайвара, использовался принудительный и рабский труд. Рабским считается труд заключённых (как правило, евреев и некоторых советских военнопленных), которые работали с непосильной, смертельной нагрузкой. Принудительным считается труд, даже в очень плохих условиях, нагрузка при котором не была смертельной.

Принципы ответственности

Комиссия считает, что ответственность за преступления, совершённые в отношении указанных выше событий, определяется двумя способами. Во-первых, мы считаем некоторых людей ответственными в силу занимаемых ими должностей в том, что они отдавали приказы, приведшие к преступлениям против человечности. Это были высшие руководители эстонского самоуправления, которые занимали посты директоров и подчинялись непосредственно Хяльмару Мяэ.

Во-вторых, ответственность определяется только на основании действий конкретного человека. Мы не проводили различия между теми, кто добровольно служил оккупационным силам, и теми, кого силой заставили работать. Главным для нас были действия конкретного человека.

Подробная оценка ответственности

Комиссия изучила роль эстонского самоуправления (известного как Директорат). Задача исследования состояла в том, чтобы определить, по чьему приказу и при каких обстоятельствах был образован Директорат, была ли у него достаточная свобода действий, какими были его функции в отношении оккупационных сил и эстонского народа, в какой степени сотрудники Директората несут ответственность за уголовные преступления, совершённые в период его деятельности.

Комиссия пришла к выводу, что Директорат был учреждён с разрешения немецких властей с целью создать удобную структуру для управления на территории Эстонии, что позволило немцам тратить на это меньше собственных ресурсов. Должность Директора была добровольной. Нет никаких данных, что кто-либо из руководителей Директората подвергался принуждению в любой форме.

Хотя Директорат и не обладал полной свободой действий, он пользовался значительной независимостью в установленных Германией рамках: политических, расовых и экономических. Например, Директора осуществляли свои полномочия в соответствии с законами и нормативными актами Эстонской Республики, но только в той степени, в которой эти законы и акты не были отменены или дополнены немецким военным командованием.

Независимость Директората, в частности, позволяла содержать полицейские силы, которые вместе с немцами участвовали в поимке и убийствах эстонских евреев и цыган, в поиске и убийстве эстонцев, считавшихся врагами оккупантов. Впоследствии эти полицейские силы были включены в состав полиции безопасности. Они также осуществляли незаконное привлечение эстонцев к принудительным работам или к военной службе под командованием немцев.

Поэтому, по мнению Комиссии, перечисленные ниже лица, служившие в разное время Директорами или занимавшие другие высокие должности, разделяют, в силу занимаемых ими должностей, с немецкими властями ответственность за все преступления, совершённые в Эстонии и за её пределами военными подразделениями и полицейскими батальонами, организованными с согласия этих лиц, в течение немецкой оккупации:

Хяльмар Мяэ

Оскар Ангелус

Альфред Вендт
Отто Леесмент
Ханс Саар
Оскар Ёпик
Арнольд Радик
Йоханнес Соодла

Комиссия также рассмотрела создание и роль полиции, которая сначала подчинялась Директору внутренних дел (Оскар Ангелус), а затем — непосредственно главе Директората Хяльмару Мяэ, пока в 1944 году руководство полицией не перешло к немцам.

Несмотря на то, что эстонские полицейские структуры были формально подчинены немецкой полиции безопасности и полиции, есть свидетельства, подтверждающие, что эстонцы пользовались значительной независимостью действий по аресту и допросу подозреваемых, вынесению и исполнению приговоров.

Комиссия изучила структуру полиции и её полномочия, изменявшиеся в ходе нескольких реорганизаций, в том числе, в мае 1942 года, при которой эстонская полиция была перестроена по типу немецкой полиции безопасности. Комиссия считает, что полиция активно участвовала в арестах и убийствах эстонских евреев. Полиция также активно участвовала в действиях против эстонцев, считавшихся врагами немцев. В частности, но не только, такие функции выполняла группа Б, эстонская полиция безопасности, которую возглавлял Айн-Эрвин Мере, а позднее — Юлиус Эннок.

Комиссия считает, что, несмотря на преступления некоторых полицейских, нельзя возлагать ответственность на всех служивших в разных подразделениях полиции во время немецкой оккупации, только в силу занимаемых ими должностей. Те люди, служившие в полиции или в других местах, которые действительно совершали преступления, должны нести за них индивидуальную ответственность.

Однако Комиссия считает, что из этого общего правила следует сделать исключение для сотрудников политической полиции (отдел Б-IV) во главе с Юлиусом Энноком. Учитывая специфику этого подразделения, Комиссия считает необходимым возложить вину за подобные преступления на всех сотрудников департамента Б-IV в силу занимаемых ими должностей.

Комиссия особенно подчёркивает роль Айна-Эрвина Мере, Юлиуса Эннока, Эрвина Вика и Эвальда Миксона, подписавших многочисленные смертные приговоры, Карла Линнаса и Александра Коолмейстера, соответственно коменданта и старшего офицера лагерей в Тарту и Таллинне, Александра Лаака, коменданта в Ягала и позднее в Таллинне. Комиссия также выделяет членов «троек» — состоявших из трёх человек трибуналов, которые выносили приговоры советским военнопленным, лицам, подозреваемым в симпатиях к коммунистам, и «антиобщественным элементам».

Комиссия внимательно рассмотрела роль и ответственность людей, работавших на Директорат в других, кроме полиции, организациях, и на низших должностях, от мелких чиновников до начальников департаментов. Хотя их деятельность и способствовала успеху немецких военных действий, мы пришли к выводу, что в отсутствие доказательств по конкретным действиям, совершённым этими людьми и способствовавшим совершению преступлений, мы не можем считать их виновными в уголовных преступлениях только в силу занимаемых ими должностей.

Многие из чиновников нижнего и среднего уровней занимали те же или аналогичные должности при предшествующих режимах. Комиссия считает, что эти люди принадлежат к той многочисленной категории эстонцев, которые могли знать о преступлениях, но не принимали в них участия и не протестовали против них.

Комиссия рассмотрела роль «лесных братьев» и их последователей (организация «Омакайтсе») на ранних этапах немецкой оккупации. Отчёты исследователей показывают, что члены «Омакайтсе», в основном, убивали предполагаемых коммунистов в первые два

месяца после вторжения Германии. Подразделения «Омакайтсе» также участвовали в облавах на евреев (и, возможно, в их расстрелах).

По нашим оценкам, в «Омакайтсе» состояли 30-40 тысяч членов. Сравнение численности «Омакайтсе» на местах и количества обвинений в убийствах, совершённых на соответствующих территориях, позволяет предположить, что непосредственно в преступлениях участвовали относительно немногие члены этой организации (от 1000 до 1200 человек).

Членов «Омакайтсе» призывали в вооружённые силы и в полицейские батальоны вместе с другими добровольцами и (позднее) рекрутами. Комиссия изучила те немногочисленные материалы, которые имеются о деятельности этих подразделений на территории Эстонии и в других местах.

Комиссия рассмотрела действия эстонских военных и полицейских частей, стремясь определить, какие конкретно подразделения принимали участие в следующих событиях:

- 1) сопровождение депортированных из Вильнюса евреев в Эстонию;
- 2) охрана лагерного комплекса Вайвара, лагерей Тарту, Ягала, Таллинне, лагерей для советских военнопленных — во всех этих лагерях убивали заключённых;
- 3) охрана пересыльного лагеря для евреев в Избице (Польша), где было убито много евреев
- 4) патрулирование, чтобы евреи не могли убежать при облавах в нескольких польских городах, в том числе Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь
- 5) облава и массовый расстрел евреев, по крайней мере, в одном белорусском городе (Новогрудок).

Изучение эстонских воинских частей осложняется частыми изменениями в их названиях, личном составе и заданиях, которые нередко плохо документируются. Однако, тщательно сверяя материалы расследований, проведённых советскими органами, и материалы из эстонских архивов, удалось установить, что эстонские подразделения принимали активное участие, по крайней мере, в одной облаве с массовыми убийствами в Белоруссии, и об этом есть подробные документы. 7 августа 1942 года при участии 36-го полицейского батальона почти все евреи, уцелевшие к тому моменту в городе Новогрудок, были собраны и расстреляны.

В публикациях говорится, что этот батальон в указанное время вёл бой с партизанами. Комиссия считает, что, хотя, конечно, были многократные столкновения полицейских частей с партизанами, но словами «борьба с партизанами» и «охрана военнопленных в лагерях» нередко прикрывалось участие в акциях против гражданских лиц, в том числе, евреев.

Есть свидетельства очевидцев о присутствии эстонских подразделений среди охранников в городах Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Таврополь, хотя документальных подтверждений этого мало. Из гетто трёх последних городов в июле-сентябре 1942 года проводились массовые депортации в лагерь смерти Белжец. Однако ни указанные сроки, ни имеющиеся свидетельства не позволяют однозначно говорить об участии эстонских подразделений в этих событиях.

Исследователи также обнаружили свидетельства о преступлениях против человечности и актах геноцида, в которых участвовали 286, 287 и 288 полицейские батальоны в разное время своего существования. Сюда относятся убийства заключённых в лагерях на территории Эстонии, участия в так называемых «рейдах» по деревням Польши, Белоруссии и Литвы. 287 батальон был на дежурстве в лагере Клоога в сентябре 1944 года, когда там были убиты последние заключённые, оставшиеся в живых. Пока не понятно, кто конкретно совершал убийства — немецкие охранники из СС, члены резервного полка эстонской СС или полицейские из 287 батальона. Тем не менее, очевидно, что 287 батальон активно участвовал в сборе заключённых, охране и сопровождении их к месту гибели. Затем это подразделение увезли в Германию, а большинство его личного состава перевели в 20 эстонскую дивизию СС.

Учитывая, как часто полицейские подразделения меняли свои составы, Комиссия считает, что сама по себе служба в указанных частях или какой-то конкретной части не может быть доказательством участия в преступлениях. Однако те люди, которые служили в этих частях во время совершения преступлений против человечности, должны нести ответственность за свои собственные действия.

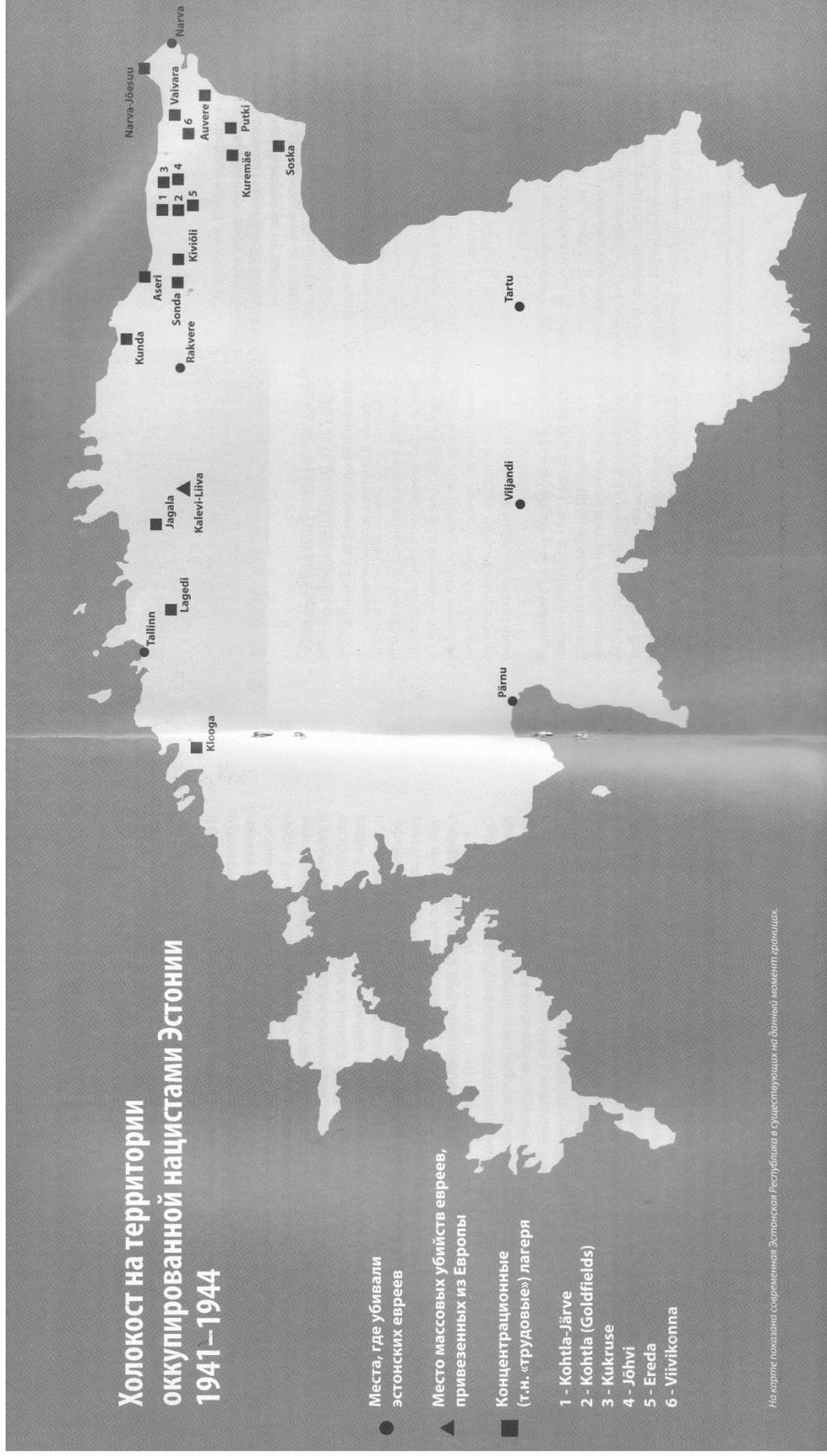
Холокост на территории окупированной нацистами Эстонии 1941–1944

● Места, где убивали
эстонских евреев

▲ Место массовых убийств евреев,
привезенных из Европы

■ Концентрационные
(т.н. «трудовые») лагеря

- 1 - Kohtla-Järve
- 2 - Kohtla (Goldfields)
- 3 - Kukruse
- 4 - Jõhvi
- 5 - Ereda
- 6 - Viivikonna

На карте показана современная Эстонская Республика в существующих на данный момент границах.

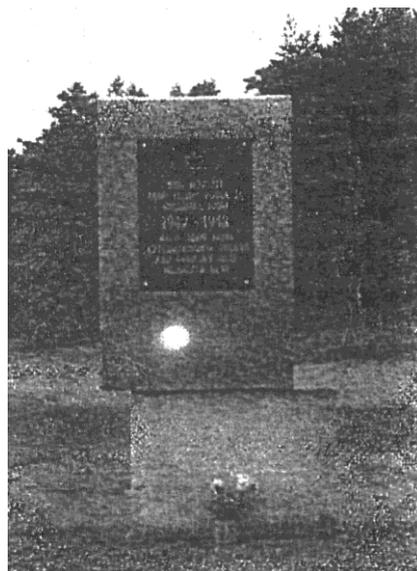
Список мест, связанных с событиями Холокоста на территории Эстонии

- 1) Места, связанные с уничтожением эстонских евреев летом-осенью 1941 года
  - Тарту:
    - концентрационный лагерь на территории бывшей Тартуской выставки;
    - противотанковый ров на подъездах к городу.
  - Пярну:
    - т. н. «Амбар Бетти» в заречной части города;
    - помещение бывшей синагоги на улице Лаатсарети, 2;
    - братские могилы в лесу Раэкюла и в лесу Рейу.
  - Таллинн:
    - Таллиннская центральная тюрьма (т. н. Батарейная тюрьма);
    - женский лагерь в Харку;
    - братская могила на Вильяндиском шоссе в районе Мяннику.
- 2) Места, связанные с уничтожением привезённых на территорию оккупированной Эстонии евреев т. н. Старого рейха (Германии в границах на 01.09.1939), а также евреев Франции
  - Окрестности Таллинна:
    - лагерь в Ягала и место расстрелов в Калеви-Лийва
  - Таллинн:
    - Таллиннская центральная тюрьма (т. н. Батарейная тюрьма);
    - лагерь, расположенный неподалёку от бывшего лётного поля на Ласнамяги.
- 3) Места, связанные с уничтожением евреев, привезённых на территорию оккупированной Эстонии из гетто оккупированной Литвы, — лагеря системы «Вайвара»:
  - Вайвара (два лагеря — у железнодорожной станции и при заводе минеральных масел)
  - Клоога
  - Нарва-Ост (лагерь при нарвской джутовой фабрике, ныне — на территории Российской Федерации)
  - Гунгербург (Нарва-Йыэсуу)
  - Эреда (с отдельной т. н. «трудовой командой» в Кохтла)
  - Голдфилдс (лагерь при заводе минеральных масел в Кохтла);
  - Йыхви
  - Кунда*
  - Кивиыли
  - Лагеди
  - Вийвиконна I* и II*
  - Сонда
  - Аувере
  - Азери
  - Соска
  - Путки
  - Кукрузе
  - Куремяэ*

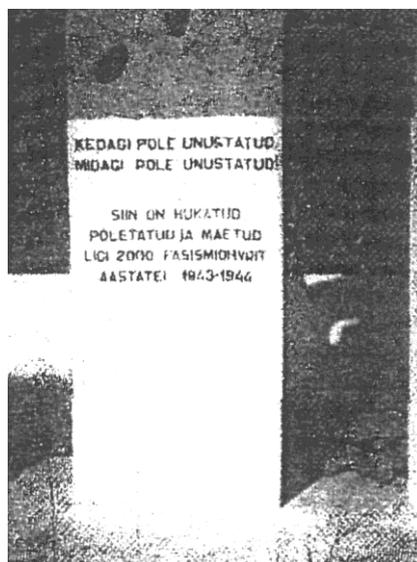
О наличии или же отсутствии еврейских заключённых в отмеченных знаком * лагерях имеются противоречивые сведения.

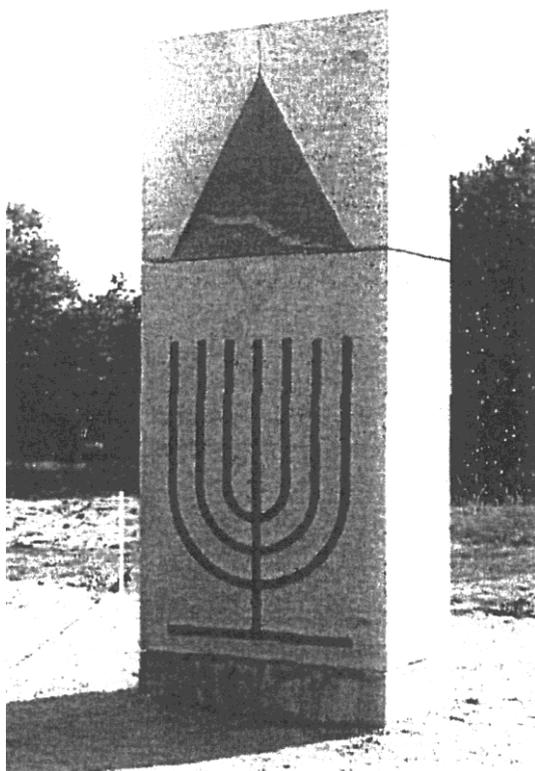
Клоога.

Калеви-Лийва.

Эреда.

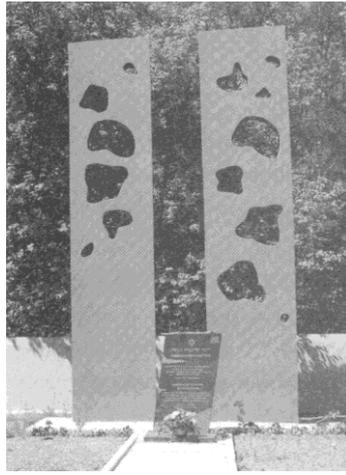
Клоога.

Вайвара.

Памятник на кладбище Метсакальмисту (Таллинн) уничтоженным на территории оккупированной Эстонии французским евреям, а также евреям из Литвы и Польши.

Памятник жертвам лагеря Эреда и памятный знак на месте лагеря.

Памятный знак на месте лагеря в Азери.

Место уничтожения жертв лагеря Клоога — памятник, установленный в советское время над местом захоронения уничтоженных при ликвидации лагеря узников.

Памятный знак на месте лагеря Вайвара (у железной дороги).

Памятный знак на месте лагеря в Азери.

Мемориальные доски на стене Таллиннской центральной тюрьмы.

Словарь по теме «Катастрофа евреев Эстонии»

- 1) **Айнзатцгруппы** — нацистские спецподразделения SS, в задачу которых входило выявление и уничтожение евреев на оккупированных территориях.
- 2) **Вайвараская система** — система концлагерей в Вирусском уезде с центром в Вайвара и «филиалами» в Азери, Эреда, Кунда, Нарве, Сонда, Лагеди, Вийвиконна и других местах (более 20 концлагерей), созданных в 1943 году.
- 3) **20-я эстонская гренадерская дивизия SS** — сформирована на базе эстонского легиона SS; участвовала в расстрелах евреев.
- 4) **«Зондеркоманда»** — немецкая особая команда для «охоты» на евреев.
- 5) **«Кайтселийт» («Союз защиты»)** — эстонская военизированная организация, сформированная по принципу ополчения.
- 6) **Клоога** — концлагерь в 40 км от Таллинна, где 19 сентября 1944 года нацисты уничтожили более 2 тысяч узников накануне своего отступления.
- 7) **Лагеди** — в сентябре 1944 года были расстреляны 500 человек.
- 8) **«Омакайтсе» («Самооборона»)** — эстонская националистическая организация; активно участвовала в истреблении евреев.
- 9) **Полицейский батальон** — подразделение из эстонцев, созданное и руководимое нацистами; осуществлял охранные, вспомогательные, карательные функции.
- 10) **Рейхскомиссариат «Остланд»** — название оккупированных нацистами территорий Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии.
- 11) **«Сталинские» депортации** — внесудебная высылка в отдалённые районы СССР больше 10 тысяч человек в июне 1941 (в том числе около 500 евреев) и больше 20 тысяч в марте 1949 года. Антисемиты использовали преступления сталинизма для разжигания ненависти к евреям, утверждая, что депортацией руководили «еврейские» органы НКВД.
- 12) **Таллиннская Батарейная тюрьма** — одно из мест, где содержались и погибали евреи; фактически часть системы концлагерей.
- 13) **Харку** — озеро и местность близ Таллинна, где в концлагере находились еврейские женщины до того, как их расстреляли (часть из них перевезли в Псков и там убили).
- 14) **«Ех.» («экзакуция»)** — пометка в документах полиции безопасности, означающая смертный приговор для евреев.
- 15) **Эреда** — один из концлагерей Вайвараской системы, где в сентябре 1944 года были убиты около 2000 евреев.
- 16) **Эстония «judenfrei» («свободна от евреев»)** — в декабре 1941 года оккупационные власти «отрапортовали» руководству нацистской Германии о завершении уничтожения евреев Эстонии.
- 17) **Эстонская политическая полиция** — специальный карательный орган, включал полицию безопасности, SD и гестапо; одна из важнейших задач — выявление и уничтожение евреев.
- 18) **«Эстонский генеральный округ» (Генерал-комиссариат)** — название территории Эстонии во время нацистской оккупации, часть рейхскомиссариата «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия).
- 19) **Эстонское самоуправление** — в годы нацистской оккупации созданное из эстонцев самоуправление целиком и полностью подчинилось оккупационным властям.
- 20) **Ягала** — лагерь смерти в 35 км от Таллинна, где с сентября 1942 года до конца лета 1943 года были убиты около 6000 евреев, вывезенных с территории СССР, Польши, Чехословакии, Франции.

Вопросы и задания по теме 2

1. Назови страны из которых нацисты привозили евреев в Эстонию. Для чего это делалось?
2. Чем печально известна железнодорожная станция Раазику?
3. Что такое Вайвараская система и что она в себя включала?
4. Евреи из каких стран покоятся на Метсакальмисту? Что с ними произошло?
5. Какова была роль Омакайтсе и полицейских формирований в Шоа? Где кроме Эстонии они проявили свое рвение в уничтожении евреев?
6. Праведники мира — эстонцы. Расскажи о них и их подвиге.
7. Сколько евреев погибли в Эстонии?
8. Когда и как мир узнал о трагедии Клоога?
9. Какова связь между гибелью евреев в Эстонии и нацистской конференцией в Ванзее?
10. Расскажи о жизненном пути Б. Анолика.

Людам свойственно забывать плохое. Историческая память человечества несовершенна. Грустный афоризм Бернарда Шоу: «Единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что из неё не извлекают уроков».

Поэтому очень полезно время от времени вспоминать то, что было в прошлом. Это помогает сохранить опыт, накопленный человечеством, следовательно — избежать многих ловушек, расставленных незнанием, забывчивостью, легкомыслием.

*Не зря ли знаньем бесполезным
Свой дух дремотный мы тревожим?
В тех, кто заглядывает в бездну,
Она заглядывает тоже.*

И. Губерман

И всё же, как ни тяжело порой всматриваться в прошлое, это необходимо делать, ведь известно, что народ, забывший своё прошлое, не имеет будущего.

Источники

- И. Альтман. «Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941-1945». Москва: 2002.
- И. Альтман, А. Гербер, Д. Полторац. «История Холокоста на территории СССР». Москва: 2001.
- Б. Анолик. «Миссия памяти». Москва: 1997.
- «Рапорт Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности». Тарту: 2005.
- «Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации 1941-1945». Иерусалим: 1992.
- E. Gurin-Loov. „Shoah. Suur häving. Holocaust”. Tallinn: 1994.
- Материалы исследовательских центров истории Катастрофы и Сопротивления «Яд ва-Шем», «Лохамей ха-Гетаот» (Израиль), фонда «Холокост» (Москва).
- Материалы Интернета и периодической печати.